

АНДРЕЙ ГОРДЕЕВ

ТАЙНА
ЗАБРОШЕННОГО
МОНАСТЫРЯ

18+

Андрей Гордеев

Тайна заброшенного монастыря

«Автор»

2025

Гордеев А.

Тайна заброшенного монастыря / А. Гордеев — «Автор», 2025

Действие этого повествования происходит на территории южной Карелии и охватывает 1918 год, семидесятые годы СССР и первые годы двухтысячных. Далекий древний монастырь, стоящий в глухом лесу на берегу красивого озера Яшезеро, притягивает к себе героев этого повествования. В холодный январь 1918 года в него стремятся трудными вёрстами трое посланников петрозаводского протоиерея: священник, бывший фронтовой разведчик и работник протоиерея. По тем же дорогам следует с секретной миссией группа казаков во главе с бывшим царским полковником. Три месяца спустя пытается раскрыть тайну монастыря чекист Андрон Поликарпов. А в 2001 году двое друзей по следам своих прадедов ведут поиски в развалинах этого монастыря, не подозревая, что не они одни знают о тайне.

© Гордеев А., 2025

© Автор, 2025

Андрей Гордеев

Тайна заброшенного монастыря

Содержание.

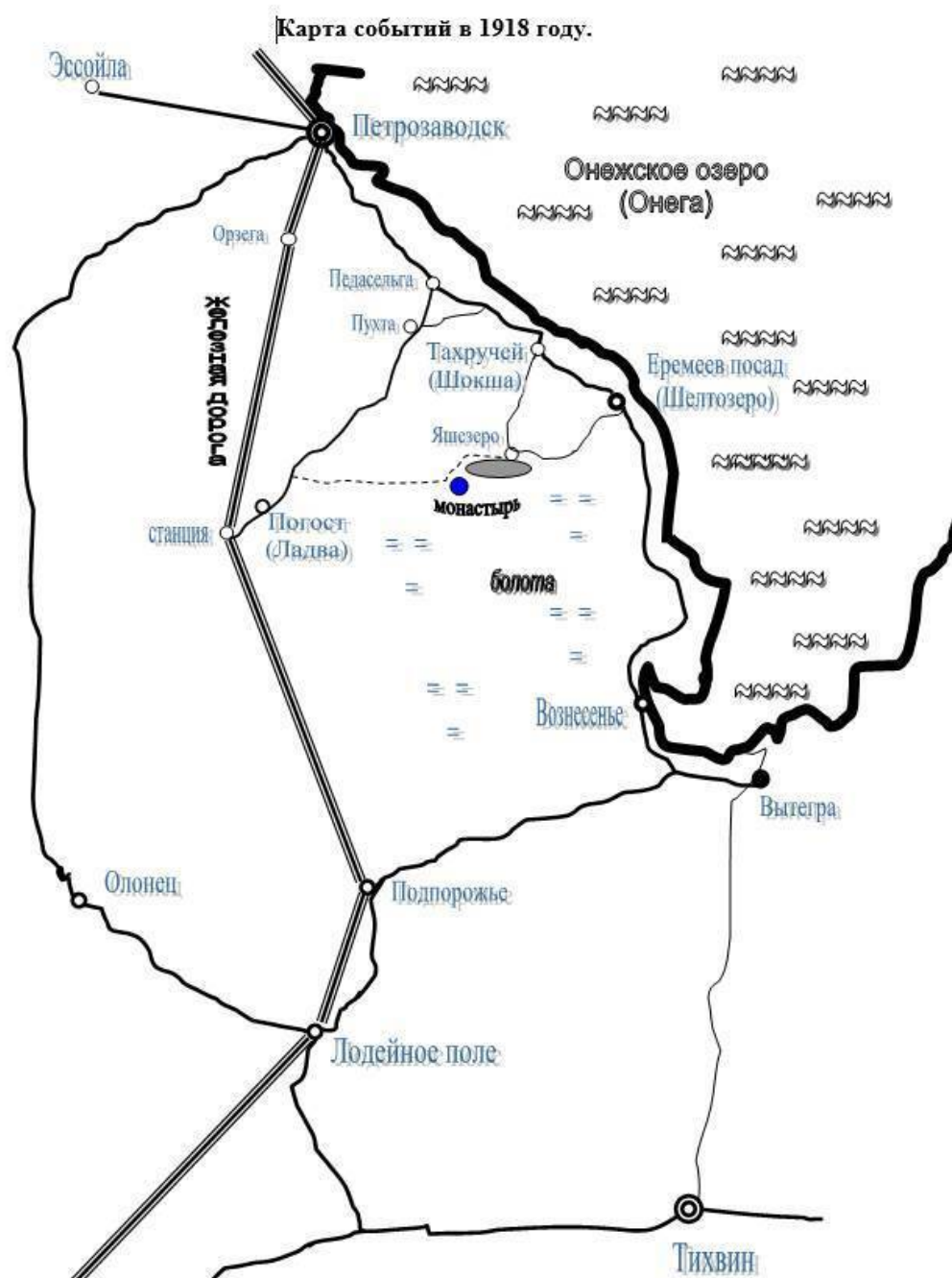
Пролог. СУНДУК ДЕДА АНДРОНА

Глава 1. ПОСЛАННИКИ ПРОТОИЕРЕЯ

Глава 2. ТАЙНА ЯШЕЗЕРСКОЙ ПУСТЫНИ

Глава 3. СОКРОВИЩА ЗАБРОШЕННОГО МОНАСТЫРЯ

Эпилог. НАСТЯ

Посвящается моей бабушке, Афанасьевой Анастасии Григорьевне, в девичестве Ларкиной, уроженке вепсского села Залесье, Шелтозерско-Бережной волости, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии, воспоминания которой, а также рассказы весёлого старика соседа, вепса Матвея Михайлова, вдохновили автора на написание этого повествования.

Пролог

СУНДУК ДЕДА АНДРОНА

В семидесятые годы двадцатого века лето в Петрозаводске обычно было жарким. В воскресное утро двенадцатилетний Серёжка Поликарпов проснулся от громкого ворчания матери на кухне:

– Вот сволочи! Вот заразы! Убить мало!

Лучи солнца давно проникли в спальню и жарили ступни мальчишки. Он сладко потянулся. «Ура! Каникулы!» – улыбнулся Серёжка. С кухни потянуло ароматом его любимых блинчиков. Он втянул ноздрями воздух и почувствовал вместе с запахом блинов какую-то тошнотворную, сладкую и почему-то знакомую вонь. Серёжка заткнул пальцами нос, сполз с кровати и босыми ногами прошлепал на кухню.

– Мамуля, ты чего кричишь? И чем так воняет? – прогнусавил он.

– Чем-чем! Говном! – раздраженно ответила мать, гремя сковородкой с дымящимся блином.

– Чем?! – поразился Серёжка и убрал пальцы с носа.

С улицы через окно в дом действительно накатывались вместе с небольшим сквозняком волны свежих испражнений.

– Вот паразиты! Вот сволочи! – опять ругнулась мать и зло объяснила: – Какие-то заразы в туалет к Мироновым дрожжи, видать, бросили. Вот всё говно наружу и попёрло. Вся Кукковка теперь дерьмом воняет.

Мальчишка обомлел. «Ура! Получилось!» – восхищенно подумал он.

Дом Мироновых находился через три дома от дома, где жил Серёжка. Сам хозяин Миронов был «вреднучий» дядька по понятиям местных мальчишек. Он держал большой сад с яблонями. Яблоки у Миронова были отборные, они грузно свешивались с ветвей и светились на солнце, как лампочки. У мальчишек, проходящих мимо сада, так и сосало в животе от аппетитного яблочного вида. Миронов в подростках видел своих злейших врагов, которые так и норовят украсть его плоды, затоптать землю и поломать ветки садовых деревьев.

– Вот я вам, ворюги, ноги-то повыдергиваю, – кричал Миронов из-за забора, заведя около дома любопытного подростка.

Сделать какую-нибудь пакость «вреднучему» дядьке было мечтой местных мальчишек. Серёжка Поликарпов дружил с Сашкой Сомкиным и Колькой Хомченко, живущими по соседству с ним. И вот вчера Колька Хомченко прибежал к друзьям и заговорщически сообщил:

– Пацаны, что я узнал! Говорят, если дрожжи в туалет бросить, то все какашки оттуда полезут. Вот бы нам Миронову свинью подложить!

С Колькой сразу согласились. Насобирали двенадцать копеек и побежали в магазин. В магазине дрожжи продавались в разных количествах, от ста граммов до килограмма. Друзья задумались.

– Чё тут думать, пацаны, – воскликнул Колька. – На туалет меньше килограмма никак нельзя! И денег как раз хватит.

Купили килограмм дрожжей. Вечером, когда стемнело, пробрались с соседнего огорода к туалету Миронова, стоявшему как раз около забора. Закинули в дырку дрожжи и стали ждать. Через час не выдержал Сережка:

– Брехня всё это! Только деньги зря потратили. Лучше бы эскимо купили. Как хотите, а я домой пошёл.

За Сережкой потянулись и удрученные друзья. А рано утром встало довольное солнце и начало жарить улицы, дома, огороды, туалеты....

«Ура! Получилось!» – радостно думал Сережка. Он быстренько слопал два блина с творогом и выскочил на улицу. Около дома Миронова стояли две ассенизаторские автомашины. У каждой вместо кузова находился деревянный короб с квадратным отверстием посередине. Четверо мужиков в резиновых сапогах и в огромных прорезиненных фартуках ковшами с длинными ручками черпали испражнения, разлившиеся вокруг туалета, и наполняли ими носилки. Вонь стояла невообразимая. Навстречу к Сережке бежали его друзья, зажав пальцами носы.

– Пошли отсюда скорей, – промывчал Сашка Сомкин, – а то меня всего вывернет.

Трое друзей вприпрыжку поскакали прочь. Пробежав до конца улицы, остановились. Тошнотворный запах здесь почти не ощущался. Друзья отдышались.

– А ты говорил, брехня! – возбужденно воскликнул Колька и ладонью не больно шлепнул Сережку по затылку.

Все вместе радостно рассмеялись. До обеда друзья гордо ходили по близлежащим улицам и всем местным мальчишкам небрежно хвалились своим «подвигом». Трое героев оказались в центре внимания: кто делился с ними своими нехитрыми ценностями, кто просто восхищенно хлопал их по плечу. Может быть, друзья купались бы в лучах славы ещё два или три дня, но новое событие в их жизни, произошедшее после полудня этого же дня, заставило забыть их о случившемся утром. В полдень друзья разбежались по домам обедать. Сережка, запыхавшись, влетел во двор своего дома.

– Мамка! Давай скорей есть, друзья ждут! – крикнул он, заглянув с улицы в распахнутое окно кухни.

На кухне никого не было. Не пахло и приготовленной пищей. Сережка удивился: обычно в это время все сидели за столом, а мамка, если он заигрывался с друзьями, даже выбегала на улицу и громко звала: «Поликарпов, обедать!» Сережка вошёл в дом. Всю свою семью, отца с матерью и младшую сестренку Светку, он нашёл в большой комнате. Они сидели за круглым столом и что-то рассматривали.

– Есть-то будем, мамка!? – спросил громко Сережка, подходя к столу. – А что вы тут делаете?

– Ой! – воскликнула мать, вскочив со стула. – Про обед-то я забыла, глупая! – И убежала на кухню.

Глаза у Сережки округлились.

– Ух ты! – восхищенно сказал он.

На столе лежали деньги. Много денег. Бумажными купюрами и монетами. Но деньги не советские, а старые, дореволюционные. Здесь были бумажные царские «екатеринки» и «керенки» Временного правительства, серебряные копейки и рубли и даже одна золотая монета достоинством в три рубля.

– Откуда это? – удивленно спросил Сережка, перебирая и рассматривая монеты и купюры.

– Это папка нашёл в старом сундуке в сарае, – пропищала довольная сестра Светка.

– Папка, Светка правду говорит? – обратился к отцу Сережка.

– Правду, правду, сынок, – ответил, улыбаясь, отец, Николай Сергеевич Поликарпов. – Вот решил старый сундук на дрова сломать, а там сбоку двойная стенка оказалась. Деньги оттуда и посыпались.

Сережка сорвался с места и понесся в сарай. На полу сарая лежал разобранный по доскам и дощечкам сундук. Сережка огорченно вздохнул. Год назад он прочитал книгу о пиратском острове сокровищ. После этого Сережка начал по всему двору искать клад. Перерыл углы у забора. Вывернул все большие камни в огороде. Залез на чердак, где весь перемазался в паутине и пыли и где нашёл только старые газеты да старые пустые коробки из-под спичек. Клада нигде не было. Наконец он добрался до сарая, в углу которого высилась груда всякого хлама. Сережка выбросил всё из угла и обнаружил под старым тряпьем большой деревянный сундук. Сердце у него радостно заколотилось. Все сокровища держат обязательно в сундуках! О таком счастье Сережка даже не мечтал. Он дрожащими от волнения руками открыл крышку. Сундук состоял из двух отделений: большого и маленького сбоку. В маленьком отделении ничего не было, а в большом лежала старая, заплесневелая одежда. Разочарованию Сережки не было предела! Со злости сокровищ он больше не искал... Сережка чуть не плакал. Это же он должен был найти этот клад! Это его сундук! Насупившись, он вернулся в дом. Мать, Надежда Ивановна, уже разогрела обед. И Сережка пошёл на кухню обедать. Смотреть клад ему расхотелось. Когда он принялся за второе, в окне кухни появились головы Сашки Сомкина и Кольки Хомченко.

– Ты что застрял!? Мы давно уж поели! Давай быстрее! – возмущенно зашептал Колька.

– Сейчас, – хмуро ответил Сережка.

– А мы клад нашли. Вот! – ехидно показала язык его сестра Светка, сидевшая рядом и пьющая компот, при этом болтая ногами под столом.

– Какой клад?! – разом изумленно воскликнули Сашка и Колька.

– Настоящий! С монетками белыми и бумажками. Вот! – снова высунула язык Светка. – Папка сундук старый в сарае разбил, а там денежки.

– Правда, что ли, Серега?! Не врёт Светка? – восхищенно переспросил Сашка.

– Правда, – нехотя произнес Сережка.

– Покажешь?! – От нетерпенья увидеть клад чуть не залезли в окно двое друзей.

Сережка доел второе, залпом выпил компот и кивнул мальчишкам:

– Заходи!

Друзья не заставили себя долго ждать и тут же оказались в доме.

– Пап! Можно Сашка и Колька клад посмотрят? – спросил Сережка отца.

– Можно, пусть смотрят, – согласился Николай Сергеевич. – Только я крупные серебряные рубли возьму и золотую монету. А из остальных можете по одной монетке на память взять.

Ребята подсели к столу. Глядя на восхищенных друзей, Сережка вскоре забыл все обиды и вместе с ними увлеченно перебирал монеты.

– А откуда сундук у вас взялся? – спросил дотошный Сашка.

Сережка пожал плечами. «А правда, откуда?» – подумал он.

– Этот сундук дедушка Андрон сделал и туда денежки положил, – пропищала Светка, крутившаяся вокруг мальчишек. – Но дедушка давным-давно умер.

– Откуда ты знаешь? – удивился Сережка.

– Папка сказал! – запрыгала около стола довольная Светка. – Еще папка сказал, что эти денежки можно на наши денежки обменять и купить много чего вкусенького. Вот!

В это время Колька Хомченко рассматривал денежные купюры и среди них обнаружил какой-то рисунок, выполненный синими чернилами.

– Серега, а это что? – показал другу находку Колька.

Сережка и тут же соскочивший со своего стула и подбежавший к нему Сашка Сомкин с любопытством уставились на желтый от времени листок бумажки. Листок был небольшой, примерно с лист ученической тетрадки. На нем был изображен большой неровный прямоугольник с кружочками по углам, а внутри прямоугольника нарисован ещё один небольшой прямоугольник. Один кружок был перечеркнут крестом красного цвета. Вверху рисунка имелась надпись

«пустынь», а внизу – стрелка и какое-то слово, обрывающееся на второй букве, так как уголок рисунка отсутствовал. Ребята перерыли всё на столе, но оборванного уголка нигде не нашли. Прыгавшая рядом Светка убежала и спряталась за шкаф – это она случайно оторвала уголок у бумажки. Но ребятам не призналась. Вдруг побьют?

– Главный клад ещё не нашли! – убежденно сказал Сережка, вспомнив из книги об острове сокровищ, что сокровища все искали по карте. – И клад здесь! – Он ткнул пальцем в красный крест на рисунке.

Друзья с ним молча согласились: как искать клад знал только Серега, так как из них он один прочитал книгу об острове сокровищ. Осталось разобраться, что изображает рисунок и где это «что» находится.

Слово «пустынь» ребята не знали.

– Это пустыня! – радостно закричал Колька и тут же придумал: – Я видел на старых картах – так раньше пустыня писалась.

– Не ври! – отмахнулся Сашка Сомкин, из друзей самый рассудительный и учившийся почти на одни пятерки. – Пустыни у нас в городе и вокруг него нет, – уверенно произнес он.

– А может, это пустырь? – неуверенно сказал Сережка Поликарпов.

Друзья склонились над рисунком. Колька потер ногтем букву «н» и содрал чернила – буквы как не бывало!

– Балда! – шлепнул друга по макушке ладонью Сережка.

После Колькиного хирургического вмешательства мальчишки долго не думали и решили, что это слово «пустырь». Часть второго слова читалась как «ям» или «яш». Почти одновременно друзья радостно закричали:

– Яма!

Знаток карт Сережка Поликарпов, указав пальцем на рисунок, уверенно пояснил:

– Это дом, окруженный забором! Кружки по углам забора – это столбы. Точно вам говорю! Только это дом не наш.

Сережка не стал говорить друзьям, что год назад он перерыл всю землю около забора, когда искал клад. Целую неделю трое мальчишек бегали по Кукковке и по рисунку искали подходящее место. Кое-где они даже пытались копать, но их прогоняли хозяева домов, увидев подрывающих их заборные столбы подростков. А потом случились другие события, увлекшие трех друзей. Да мало ли что интересного в жизни, когда тебе двенадцать лет, а на дворе лето и каникулы! Пожелтевший рисунок Сережка Поликарпов забросил в картонную коробку, где он хранил фантики из-под конфет, этикетки спичечных коробков и другие разности, которые он когда-то с увлечением собирал. И не знал Сережка Поликарпов, что пройдет два с половиной десятка лет, и он снова вспомнит про этот пожелтевший листок и своё детское увлечение: найти клад....

Часть первая

ПОСЛАННИКИ ПРОТОИЕРЕЯ

1.

Поздним январским вечером 1918 года по Малой Подгорной улице губернского города Петрозаводска шел осторожным шагом человек. Длинная солдатская шинель подчеркивала его стройную фигуру и военную выправку. Он постоянно оглядывался и прислушивался, вжимаясь в черную тень заборов и домов.

– Стой! – как выстрел прозвучал в морозном воздухе грозный окрик.

Человек метнулся к темному подъезду близлежащего дома и замер. Рука его ушла в широкий карман шинели и сжала рукоять нагана. Вдалеке через улицу промелькнула чья-то фигура. За ней пробежали трое вооруженных людей. Раздались выстрелы, и всё стихло. Улица

опять была пустынна. Человек облегченно вздохнул и проследовал дальше. Через пять домов он еще раз обернулся, внимательно оглядел улицу и резко свернул к двухэтажному бревенчатому дому. Поднявшись на крыльцо, постучал кольцом ручки о дверь. За дверью послышался скрип половиц и сонный, басистый мужской голос спросил:

– Кто тут на ночь глядя?

Человек тихо ответил:

– Семён, это я, Митрофанов. Отец Пимен дома?

– Дома, дома, да уж спит небось! – заворчал Семён и загремел щеколдой, открывая дверь.

На втором этаже загорелся свет, и сверху с лестницы послышался ровный спокойный голос:

– Семён! Что случилось?

– Это я, Петр Митрофанов, отец Пимен, – опередил Семена поздний гость.

Сверху по лестнице до половины спустился полноватый, с гордой осанкой в спине старец в белой до пят рубашке. На его благородном лице с седыми бородой и усами как будто светились серые глаза с живым и острым взглядом. Это и был протоиерей Пимен, сейчас фактически, но не по сану замещавший епископа Иоанна, руководившего Олонецкой епархией. Епископ Иоанн уехал в Москву, и неизвестно было, когда он вернется в Петрозаводск. Да и вернется ли в такие смутные времена?

– Здравствуй, Петр, поднимайся, – поприветствовал гостя Пимен и, взглянув на Семена, попросил: – Принеси еще свечей в горницу, Семен.

Скинув шинель, Митрофанов поднялся вслед за протоиереем. Сел на стул, указанный жестом хозяином. Подождал, когда уйдет работник. Посмотрел на севшего напротив протоиерея и произнес:

– Плохие дела, отец Пимен. Час назад закончилось заседание Совета. На нем постановили реквизировать церковное имущество на нужды революции. Завтра уже могут прийти в церкви и всё забрать. Говорили, что казна у церкви богатая, серебра и камней дорогих много. Всё нужно забрать! В первую очередь к вам придут за казной. Прятать надо!

Протоиерей молча выслушал гостя и задумался. Петра Митрофанова он знал давно. Тесть Петра служил в соборе Александра Невского священником, но не так давно умер. Двоюродный дядька Митрофанова, один из известных горожан Петрозаводска, входил в церковный совет собора Александра Невского. Не сказать что Петр был очень набожным, в отличие от своей жены Марфы, но к церкви относился с уважением, не богохульствовал и крест на груди носил, не в пример безбожникам-большевикам. Петр Митрофанов всю Первую мировую войну провел на передовой, с солдата дослужился до младшего офицерского чина, унтер-офицера. На фронте вступил в партию эсеров, так как считал, что их идеи о земле больше подходят для крепкого крестьянского мужика. Когда он приехал после демобилизации в Петрозаводск, его, как боевого фронтовика, местная партийная ячейка выдвинула в Олонецкий губсовет. Вести Петр принес нехорошие. Но почему-то протоиерей был готов к ним. Об этом или о чем-то подобном говорили все события за последние полтора года: отречение царя, две революции, новая власть непривычных на слух Советов, брожения в умах от речей разных смутьянов.

– Хорошо. На все воля божья! За весть спасибо от святой церкви нашей. – С этими словами протоиерей встал, дав понять, что больше ничего не скажет и гостю пора уходить.

Петр Митрофанов поднялся:

– Прощайте, отец Пимен!

– С богом! – перекрестил его протоиерей и остался стоять, задумчиво смотря вслед спускавшемуся по лестнице гостю.

Затем он подозвал Семена и велел запрячь свои сани.

К утру за столом у протоиерея сидел священник Мифодий, крепкий, высокий мужчина сорока двух лет. Год назад иерей Мифодий, будучи военным священником, попал под обстрел

германских орудий и был тяжело контужен. После госпиталя его списали с военной службы и направили служить в Олонецкую епархию. Протоиерей с удовлетворением смотрел на слаженную фигуру Мифодия, на его суровое лицо, на котором удивительно смотрелись темные карие глаза, излучавшие обволакивающий теплый свет. Лучшей кандидатуры для предстоящей миссии найти сейчас было невозможно. Протоиерей вспомнил их первую встречу, когда Мифодий исповедовался ему и откровенно рассказывал о войне. На передовой иерей не раз шел вместе с солдатами, бросавшимися в атаку. Участвовал и в рукопашном бою, когда немцы врываются в русские окопы. Ох, и погулял тогда его кулак с зажатым в нем массивным серебряным крестом по головам неприятеля! Но самые свои грехи Мифодий видел в том, что сам становился солдатом и убивал германцев не только кулаками, но и смертельной пулей, беря в руки оружие погибших и раненых своих соотечественников.

– Тебе предстоит ответственная и, может быть, опасная миссия, отец Мифодий, – негромким, четким голосом сказал протоиерей. – Советы решили отобрать у нашей церкви все ценное имущество для нужд своей революции. Тебе предстоит отвезти в Яшезерскую пустынь к настоятелю игумену Никону казну церкви и нашу ценную утварь. С тобой поедут мой работник Лазарев Семен и сторож Крестовоздвиженского собора Баженов Прокопий. Идем со мной, – позвал он иерея.

Они прошли во двор, где Семен Лазарев шептался с мужиком, одетым в серую солдатскую шинель. Это был Баженов Прокопий, сторож и конюх Крестовоздвиженского собора, тридцатитрехлетний, среднего роста, круглолицый, с лихо закрученными усами крепыш. Так же, как и иерей Мифодий, Прокопий был ранен на передовой. Он служил фронтовым разведчиком и чудом уцелел, когда их группа подорвалась на немецкой мине. Военный врач полевого госпиталя умудрился скроить его раздробленную ногу, но нормально ходить Прокопий уже не мог: хромотал. Его демобилизовали. Он вернулся в Петрозаводск, где раньше жил вдвоем с матерью.

Увидев протоиерея, Лазарев и Баженов замолчали. Все вместе вошли в сарай. В углу протоиерей откинул холстину, под которой друг на друге находились три деревянных ящика. Рядом лежал английский ручной пулемет. Открыв крышку верхнего ящика, протоиерей вздохнул:

– Вот, возьмите оружие, какое надо.

При этих словах иерей Мифодий удивленно посмотрел на протоиерея. Тот уловил взгляд иерея и недовольно поморщился: он хорошо помнил исповедь Мифодия и свои слова после отпущения ему грехов, что смертоубийство, даже на благо Отечества, не должно совершаться священнослужителями, так как их задачи мирные, духовные.

– Тебе нельзя, – раздраженно произнес протоиерей. – А без оружия что делать? Другим доверить это деяние я не могу, нет веры да и умения военного, которое есть у Прокопия, не каждому дано. А отдать на разграбление, на какие-то нужды революционеров с трудом нажитое и святое, деньги наших верующих, не велит мне совесть и дело церкви нашей! Мощь нашей церкви мы должны сохранить для лучших времен. Не ровен час, церкви рушить начнут, колокола снимать, как при царе Петре, блюда церковные, кресты плавить. Кто и на какие средства потом это будет восстанавливать? А грехи ваши буду просить отпустить епископа Иоанна или сам отпущу, – закончил протоиерей.

В ящике лежали навалом наганы, маузеры, ручные гранаты «лимонки», пачки с патронами. Этот арсенал оставил протоиерею на сохранение бывший комендант Петрозаводска полковник Кротов. Тогда, два месяца назад, в революционную неразбериху из военных складов Петрозаводска пропало несколько десятков ящиков различного вооружения, пока новая власть не установила надежную охрану. Полковник Кротов умер месяц назад от инфаркта. А его арсенал так и остался лежать у протоиерея. Протоиерей сам не ожидал, что это оружие когда-нибудь понадобится церкви.

Мифодий посмотрел на протоиерея и выбрал себе наган.

– Я убивать не буду, только поугаждать, – смущённо сказал он. – А если придётся грех взять, то обещаю, что сразу напишу обращение о снятии с меня сана, – уже решительно взглянул он на отца Пимена.

Прокопий Баженов присмотрел наган и маузер. Он отлично стрелял с обеих рук, что не раз спасало его и его фронтовых товарищей в разведывательных рейдах в тылу германцев. Оба рассовали по карманам гранаты и пачки с патронами. Работник протоиерея Семён Лазарев ничего не взял: он никогда в жизни не держал оружие в руках, даже охотничье. Зато его увесистый кулак запросто мог свалить с ног почти любого мужика. С виду Семен был здоровым, бородатым и угрюмым мужиком. Про таких ещё говорят: «Им бы по подворотням вечером людей пугать!» Но в жизни Лазарев отличался добрым, хоть и ворчливым характером. Протоиерей одобрительно осмотрел троих мужчин. В годину испытаний Бог дал ему верных и нужных помощников! Отослав Семена из сарая – лишнее знать ему без надобности, – он, тяжело вздохнув, обратился к оставшимся двум:

– Еще возьмете взрывчатку. Отдадите игумену Никону и объясните, как ей пользоваться. – И показал рукой на нижние ящики.

Иерей Мифодий и Петр Баженов удивленно переглянулись. Но протоиерей сделал вид, что не заметил их реакции: лишнего им тоже знать ни к чему. Мифодий снял первый ящик и открыл крышку другого, где лежали желтые прямоугольные кусочки тола и достаточно большой моток бикфордова шнура...

Протоиерей выделил своим посланникам двое саней. Одни сани – розвальни – низкие, длинные и широкие, с боками, расходящимися врозь от передка. В них положили два ящика из-под артиллерийских снарядов с церковными ценностями и мешок овса для лошадей. На вторые сани, легкую двухместную бричку, погрузили пулемет, два запасных диска к нему и ящик с динамитом. На ценный груз и оружие накинули мешковину и несколько охапок сена.

Протоиерей, повысив голос, торжественно пробасил:

– Благословляю тебя, иерей Мифодий, и вас, благоверные Прокопий и Семён, на благое для нашей святой церкви и Отца Нашего Иисуса Христа дело.

После этих слов он поочередно перекрестил всех.

– С Богом! – махнул рукой протоиерей.

Иерей Мифодий и Баженов Прокопий, сев в бричку, выехали на улицу. За ними в розвальнях с драгоценным грузом тронулся Семен Лазарев.

2.

Путь до монастыря лежал не далекий и не близкий: свыше девяносто верст необходимо было преодолеть посланникам протоиерея по дороге на Вытегорский уезд и по глухим лесным дорогам. А с таким тяжелым грузом больше пяти верст в час не проедешь! Поэтому они рассчитывали добраться до монастыря за два дня. Путь им предстоял нелегкий. Не было порядка на дорогах! Не было власти! Так-то официально была утверждена советская власть, а на самом деле не все мужички были ей покорны. В соседнем Вытегорском уезде жили мужики с достатком и делиться своим добром с «голытьбой» и безбожниками не хотели, пытались установить свою власть, без «большевиков». Вольные бывшие солдаты, не дошедшие до дому, бродили по деревушкам и хуторам, лесным дорогам; им нравилась неразбериха, царившая кругом; оружие держать им было привычнее и удобнее, чем ручки плуга на пахоте земли и древко косы на сенокосе.

Петрозаводск ещё не успел проснуться, мигал редкими фонарями вдоль домов и только-только начинал дымить трубами домашних печей. Путники благополучно, почти не встретив никого, выехали за город. Через четыре версты показался переезд через железную дорогу.

Около дороги на небольшой полянке горел костер. Вокруг него сполохи пламени освещали четыре фигуры сидевших людей. Баженов натянул вожжи, и лошадь остановилась. Позади замерли розвальни с Лазаревым. До переезда оставалось метров триста, но у костра никто не заметил в темноте леса остановившиеся сани. Присмотревшись, посланники протоиерея увидели на всех четверых серые шинели, а на их коленях лежащие винтовки. Около переезда на железнодорожных рельсах стояла ручная дрезина.

– Что будем делать? – прошептал Прокопий иерею.

– Что-что, другого пути всё равно нет, – негромко ответил Мифодий. – Как думаешь, кто это?

– Эти? – задумался Баженов. – Я так считаю, что это Советы пост выставили. Видишь, дрезина стоит? А на дрезине только из Петрозаводска приехать могли. Советы это. Факт! Да что тут думать! Давай к ним на бричке с ходу подскочим, и я их с пулемета полосну. Очередью враз всех положить можно.

– Я тебе положу! – возмущенно шепнул священник. – Это тебе не фронт! Люди же это. И люди такие же, как мы, русские.

– Ну да люди, – обиделся Прокопий. – Как проверят сани, увидят ящики и наш арсенал, тут же дырок от пуль нам наделают и не задумаются.

– Видишь, они в шинелях? – продолжал убеждать Мифодий. – Значит, это бывшие фронтовики. Что мы с ними не договоримся, что ли? И ты, и я всю войну прошли.

– Ага, договоришься! Ты забыл, что мы везем? Как раз то, что их власть решила забрать у церкви. И думаешь, они вежливо будут просить отдать утварь церковную? Как же, жди! Силой возьмут. Факт! И кто тебе сказал, что это фронтовики, как мы? Шинелей на военных складах петрозаводских знаешь сколько лежит? На полк небось хватит! Что тут думать, давай я их с пулемета положу.

– Да погоди ты со своим пулеметом! Грех на душу зазря брать нельзя, – отмахнулся от товарища священник и задумался.

Прокопий обиженно молчал рядом. К бричке подошел Семен Лазарев.

– Что стоим-то? – негромко пробасил он.

– Вот, думаю, – ответил иерей, – что этим у костра сказать. Куда едем? Что везем?

– Что думать-то, – встрял Баженов. – Едем по церковным делам. И точка! Я, Семен, – обратился он к Лазареву, – предлагаю их с ходу с пулемета пострелять. Как думаешь?

– Как это? Убить, что ли?! – удивился Семен. – Зря людей жизни лишать нельзя. Бог не велит.

Баженов насупился.

А Семен продолжил:

– В Еремеевом посаде настоятель местного храма отец Савелий очень плох. Не сегодня завтра умереть может. Дай Бог ему здоровья! – перекрестился Семен. – Епископ Иоанн хотел его в Петрозаводск в больницу отвезти, да доктор сказал, что отец Савелий всё равно умрет. Может, скажем, что за отцом Савелием едем?

Это действительно было так. Иерей Мифодий об этом знал. Отец Савелий болел больше месяца, болел тяжело. Его съедал жгучий жар внутри от рака. Весь похудевший, он стоически переносил боль, а последнее время уже лежал, не вставая. Посланный епископом в Еремеев посад губернский врач сразу определил, что жить местному священнику осталось недолго, и, оставив отцу Савелию для облегчения его страданий весь имевшийся у себя морфий, вернулся в Петрозаводск. Предложение Семена Лазарева вполне подходило для возможных объяснений в пути, и иерей Мифодий мысленно согласился с ним.

– Так, – принял решение священник, – едем к костру без всякой стрельбы. Там посмотрим, что и как. Ты, Прокопий, – обратился он к Баженову, – приготовь оружие. Но стрелять

будешь, только когда я первым выстрелю. Дай Бог, не принять грех на душу! – Вдохнул и перекрестился иерей.

Прокопий недовольно усмехнулся, но спорить не стал. Он взвел курок нагана и положил его вместе с маузером к себе на колени. Сверху натянул мешковину, которой прикрывал свои ноги от снега и холода. Мифодий крепко сжал рукоять также взведенного нагана, лежащего в боковом кармане его тулупа; в соседнем кармане тяжелела граната «лимонка». Медленно тронулись. Семён отстал шагов на двадцать. Люди у костра зашевелились, увидев появившиеся из темноты сани, встали и вышли на дорогу, перегородив путь.

– Стой! – сухо прозвучал в воздухе окрик одного из постовых, выдвинувшегося на пару шагов вперед.

Прокопий придержал лошадь, бричка остановилась. Позади недалеко замерли розвальни. К бричке подошли двое молодых парней. Один, лет двадцати пяти, держа винтовку наперевес, громко, стараясь придать своему голосу грозность, спросил:

– Кто такие?

Священник дружелюбно пробасил:

– А кто ж вы будете, служивые?

– Я, Иван Степанов, командир отделения военного отряда Олонецкого губсовета, – расслабился от участливого вида иерея молодой вояка и важно добавил: – Я старший этого поста. Мы охраняем советскую власть от контрреволюционеров и бандитов.

Священник чуть распахнул тулуп, чтобы была видна его черная сутана, и улыбнулся:

– А я иерей Мифодий из Петрозаводска. Служу в соборе Александра Невского. Вот еду по церковным делам в Еремеев посад.

Старший поста Степанов нахмурился: служителей церкви новая власть не жаловала.

– Так, – многозначительно сказал он, – а позади кто?

– А там работник церкви Семён, – ответил священник. – Епископ Иоанн велел ему доставить из Еремеева посада в губернскую больницу заболевшего отца Савелия, настоятеля местной церкви.

Старший поста повернул голову к стоявшему рядом парню:

– Андрон, сходи глянь, кто там в подводе. Да подводу проверь!

Баженов многозначительно показал глазами священнику на двух других военных, находящихся впереди. Мифодий понял, что бывший разведчик берет их на себя.

– Командир, – обратился иерей к стоящему перед ним старшему поста, все ещё надеясь обойтись без кровопролития. – Мы люди мирные, Богу служим.

– Богу? – ухмыльнулся военный. – А мы советской власти! – И назидательно продолжил: – Петроград голодает! Советская власть захлебывается от разных контрреволюционеров, воюет с бандитами и германцами, а вы, попы, ничем помочь не хотите. Вон каких коней откормили! – показал он стволом винтовки на лошадь. – Вы знаете о постановлении губсовета о реквизиции коней для нужд революции?

Священник напрягся: «Господи, об этом я и не подумал. Уж месяц как Советы отбирают лошадей у всех подряд. Придется брать грех на душу». Иерей навел ствол нагана в кармане на старшего поста, целясь ему в руку. Священник решил только ранить этого парня и сразу сбить его с ног своим крепким кулаком, а затем приняться за другого вояку, подошедшего к Семену Лазареву. Неожиданно от розвальней, где сидел Лазарев, донесся удивленный возглас постового:

– Дядя Семен, здравствуйте! Это я, Андрон Поликарпов. Узнаете?

Старший поста Степанов недовольно повернулся в сторону подчиненного. Мифодий чуть кивнул головой Прокопию, давая временный отбой.

Постовой, улыбаясь, обратился к старшему поста:

– Иван, это брат тетки Клавды с Пухты, подруги мамки моей. Хороший мужик! – И, повернувшись снова к Лазареву, спросил: – Как живете, дядька Семен? Куда едете? В Пухте не будете?

– Да ничего живу, с Богом. Вот надобно в Еремеев посад съездить, отца Савелия привезти в город. А в Пухту, дай Бог, заеду, как не заехать! – радостно и неторопливо ответил Лазарев.

– Будете в Пухте, всем моим поклон передавайте, – попросил постовой и затараторил: – А я в военном отряде губсовета состою, поди уж, месяц буду. В Петрозаводске в казарме с ребятами живу. Паек дают и табак даже. Иван! – обратился к начальнику он. – Пусть едут с миром! Зла от них не будет.

Старший поста Степанов что-то соображал, нахмутив брови. Затем лицо его приняло скучающее выражение. Он небрежно закинул винтовку за плечо и важно сказал:

– Ладно, езжайте! Да осторожнее там: на дорогах балуют разные... – Он не договорил, махнул рукой и пошел к костру.

3.

Сани перевалили через железнодорожный переезд и покатили по накатанному насту. Через пять минут исчезли из виду причудливые красноватые тени от костра на деревьях. Путники не торопили лошадей: ещё было темно, и тянущаяся извилистая дорога смутно серела между черными стенами леса, а попадающиеся по пути ямы еле проглядывались впереди.

– Слава Богу, не взял грех на душу, не убил человека, – сказал иерей Мифодий, полулежа в санях. – Тем более не порешили этого парнишку Андрона, земляка Семена Лазарева. Бывает, соседи и друзья получше будут какого-нибудь родственника. Но надобно быть начеку: кони нынче дорогого стоят.

Прокопий Баженов ничего не ответил, лишь виновато крякнул. Через два часа посветлело: всходило солнце. Лошади потрусили веселее. По дороге промелькнули две небольшие деревушки, но жившие в них люди не кидались, как раньше, к забору перекинуться несколькими словами с проезжавшими мимо путниками, а смотрели из окон домов, невидимые с улицы. Их присутствие выдавало лишь колебание занавесок да еле уловимое пятно лица в темной раме окна. За час до полудня вновь показалась впереди какая-то деревушка с несколькими избёнками, выстроившимися вдоль дороги. Розвальни с Семёном Лазаревым тащились за бричкой, отстав шагов на пятнадцать.

Проехав вторую избу, Мифодий и Прокопий неожиданно услышали за спиной громкий возглас:

– Стой! Стой, говорят! Осади лошадей!

Прокопий остановил бричку. Посланники протоиерея обернулись. Из ворот второго дома выходили двое парней, вооруженных винтовками. Один был низкого роста, полный, с лоснящимися большими губами и маленькими бегающими глазками, в овчинном полушубке, с болтающимся на груди полевым биноклем; он жевал на ходу соленый огурец и шёл к бричке. Другой, высокий и худой, с рыжей щетиной на щеках, в шинели нараспашку, направлялся к розвальням.

– Кто такие? – повелительным, тонким голосом крикнул низкорослый и полный, приближаясь к бричке и придерживая винтовку под мышкой.

– Путники, – сделал слащавую улыбку Прокопий.

– Путники? – переспросил низкорослый, остановившись в трех шагах от брички, и пропищал: – Слазь с саней! К забору лицом марш! – И откусил кусок огурца.

Последняя фраза полнотелого, низкорослого грабителя слилась с жутким хрустом, хрипом и глухим звуком упавшего тела позади него. Полнотелый недоуменно обернулся. Его лоснящийся подбородок медленно пополз вниз вместе с толстой нижней губой, обнажив во рту

желтые зубы и кусок огурца. Он увидел лежащего на дороге напарника с раскинутыми руками и без каких-либо признаков жизни. Полнотелый с открытым ртом и выражением удивления на лице снова повернулся к бричке. И вдруг замер на месте, как будто налетел на невидимую преграду. Губы его затряслись, взгляд остекленел. Его бравый вид вдруг преобразился и превратился в мокрую половую тряпку, вспотевшее лицо побелело. Перед ним маячили круглые, страшные черные дырочки из стволов двух наганов и маузера в руках улыбающегося мужика в серой шинели и хмурого, рослого священника. Лицо грабителя от бледного начало переходить в красное, как от натуги, и перекошилось. Он схватился за горло и упал на четвереньки, сиюсь прокашляться.

– Не жри, кабанчик, когда делом занят, – засмеялся Прокопий Баженов, спрыгивая с брички и подходя к полнотелому. – Что, жирненький, в горлышке запершило? – издевался он. – К мамке иди, теленок, сиську дососи, молочком откормись! Ружо-то ручонками ещё держать не научился, а туда же, людей добрых пугаешь.

Прокопий поднял винтовку, обрonnenую полнотелым, снял с его шеи бинокль и крикнул священнику:

– Отец Мифодий! Ты присмотри за этим сопливым, а я к Семену схожу, гляну, что он учудил.

– Ну что, Семён, взял грех на душу, убил человека? – спросил, посмеиваясь, Баженов, подходя к Лазареву, склонившемуся над лежащим без сознания налетчиком.

– Кажись, дышит, – облегченно вздохнул работник протоиерея, выпрямляясь. – Я ж его так, легонько, и вполсилы не стукнул. А он, вишь, какой легкий оказался.

– Да уж легонько! – засмеялся Прокопий, меряя взглядом расстояние от розвальней до неподвижного тела незадачливого грабителя. – Метра четыре как птичка пролетел.

Прокопий видел, как худосочный, длинный налетчик подошел вплотную к розвальням, как затем из-за крупы лошади мелькнул здоровый кулак Семёна Лазарева.

– А что он: слазь да слазь! Ишо дулом ружья в бок тычет, – обиженно пробурчал Семён.

Прокопий расхохотался, на его глазах выступили слезы.

– Тычет, – передразнил он товарища. – Расстроили, поди ты, молокососы мужика сорокалетнего, – давился он от смеха, смахивая слезы.

– Ну тебя, – насупился Лазарев. – Я тебе не кривое зеркало и не фигляр какой!

– Ладно, не хмурься, – еле успокоился Прокопий, видя, что его товарищ действительно не на шутку обиделся. – Это я так, от нервов. Мне тоже винтовкой перед рожей махали, – примирительно проговорил он, в душе продолжая веселиться.

– Сынки, вы кто будете? – раздался шамкающий, негромкий голос рядом.

Баженов и Лазарев обернулись. Из-за забора выглядывала голова древнего деда.

– Из города. В церкви работаем, дедушка, – дружелюбно ответил Прокопий.

– В церкви? – переспросил дед и заулыбался: – Вот хорошо-то! А энтих супостатов убили?

– Не совсем, – усмехнулся Прокопий. – Шевелятся. А что, дедушка, давно они у вас тут околачиваются?

– Недельку уже на шее висят, – закивал головой дед. – И людей на дороге грабют, охальники.

– Ничего дедушка, больше грабить не будут, – серьезно пообещал Прокопий.

Он связал руки за спиной у худосочного вояки, начавшего приходить в себя. Винтовки налетчиков положил в розвальни. Бинокль сунул под сиденье брички. Затем подтащил прокашлявшегося, трясущегося от страха полнотелого молодчика к его напарнику.

– Что, голубчики, очухались? – съехидничал Прокопий и жестко, зло сказал: – А теперь, сволочи, чтоб духу вашего здесь через минуту не было. Ещё раз попадетесь мне на глаза, свои яйца, как орехи, грызть друг у друга будете. – И медленно стал вынимать наган из кармана.

Горе-грабители вытаращили глаза, вскочили и ринулись в сторону Петрозаводска, на ходу оглядываясь и являя усмехающемуся Баженову перекошенные от ужаса, бледные лица.

4.

После полудня путники въехали в Педасельгу, среднее, домов в тридцать, карельское село с большими двухэтажными, почерневшими от времени избами и с небольшими избушками. От Педасельги шли две дороги: одна на запад в большое село Посад, другая продолжалась от Петрозаводска на юг, в Вытегорский уезд, через сёла Шелтозерской волости Петрозаводского уезда. Остановились у смотрителя местной часовенки Марьи Ивановны, сухонькой небольшой женщины пятидесяти трех лет, постоянно ходившей с покрытой темным платком головой и в строгом черном платье. Марья Ивановна жила одна в избе около часовни. В часовне она следила за порядком, чтобы масло в лампадке под иконой всегда горело, чистота была в святом месте. Многие жители деревни ходили к ней за советом или просто душу облегчить. Своего-то батюшки в деревне не было! Изба у Марьи Ивановны была просторная с большой прихожей, в которой стоял длинный стол с лавками вдоль него; деревянная столешница стола блестела, отполированная от времени. В доме также были две комнатки и летняя горенка. Во дворе имелись небольшая конюшня, хлев и большой сарай. Такое большое хозяйство Марья Ивановна содержала для служителей церкви, приезжавших на службу в Педасельгу или проезжавших мимо. Но и любому путнику не отказывала она в отдыхе и в ночлеге. Марья Ивановна, как только путники вошли в избу, всплеснула руками, засуетилась, стала собирать на стол чашки для чая, подбросила дров в затухающую печь, поставила кипятиться чугунок с картошкой и пододвинула подогреться к середине плиты кастрюльку с кислыми щами.

– Чай голодные, не пообедали. С холода горяченького надобноть поест, – отмахнулась она от попыток иерея Мифодия сказать, что они проездом и остановились ненадолго. – А пока молока попейте, только что подоила коровку, ещё тепленькое. – И поставила на стол чашки и глиняный кувшин, полный молока.

Спорить не стали: люди и лошади требовали отдыха, а до места ночлега оставалось ехать около четырех часов. Священник попросил у хозяйки горячего чаю. Лазарев и Баженов выпили по чашке молока и пошли заводить лошадей с санями во двор. Семён стал распрягать лошадей, чтобы отвести их в конюшню и дать овса. Прокопий тем временем закрыл ворота, поправил мешковину и сено в санях – от любопытных глаз понадежнее скрыл ценный груз и оружие. И подошел к калитке осмотреть улицу, нет ли чего подозрительного. Вдруг он услышал веселый женский голос:

– Эй, солдатик! Что высматриваешь? Не меня ли?

Через дорогу напротив опиралась локтями на калитку улыбающаяся, крепкая, около тридцати лет женщина, одетая в накиннутый на плечи овчинный полушубок. Её голову украшал яркий, узорчатый шерстяной платок, из-под которого билась выщаяся черная челка. Женщина так прожгла взглядом Прокопия даже через разделявшее их расстояние, что у него сразу стало быстрее колотиться сердце.

– Здравствуй, солдатик! – сказала молодка.

– Здрасьте! Ваше нам, – поперхнулся Прокопий от комка в горле, взявшегося неведь откуда и перехватившего дыхание.

– Вот все едут и едут мимо. И никто не поможет бедной вдовушке, живущей скоро три года без мужичка, убиенного на войне. Может, ты зайдешь? А я тебя не обижу. Да и куда мне супротив такого бравого и ладного мужичины, как ты, – игриво улыбалась женщина.

Баженов взял себя в руки. Он не был робкого десятка перед женщинами. До сих пор Прокопий не был женат – не тянуло его почему-то на семейную жизнь! А по девкам и вдовушкам петрозаводским ходил. Говорят, даже кто-то «забрюхатил» от него. Но Прокопий не

признавался. «Ить, не я один в городе холостую и балуюсь! А баб, поди, сейчас с десятков на одного мужика! Как бедным бабёнкам не помочь?! Каждая из них ласки от мужика хочет. Вот такие, как я, равноправие и устанавливают! А женатому мне всем бабам помочь никак нельзя – грех!» – смеялся он перед мужиками и перед старыми мамками, приходившими стыдить его и уговаривать «на женитьбу» после очередного его похождения к молодкам. Не одобрял такого поведения своего сторожа и настоятель Крестовоздвиженского собора, но поделаться ничего не мог. Потерять такого работника в это лихое время было безрассудно. Баженов не раз спасал церковь и его служителей от посягательств грабителей и прочих наглых людишек, которые развелись в немалом количестве в нелегкое для отчизны время и которые признавали только грубую силу. Бывший разведчик, а теперь сторож он не стеснялся в отношении наиболее настырных непрошенных гостей применять свою боевую шашку или старое охотничье ружье.

– Что ж не помочь, – улыбнулся Баженов. – А такую, как ты, глазастую можно и испугаться! Вдруг задушишь?! – в тон игривому голосу женщины ответил он.

– Конечно задушу. Мои белые ручки только и душат таких крепких мужичков, как ты, – продолжила заигрывать молодка.

– Погодь, сейчас приду! – крикнул Прокопий и пошел в дом Марьи Ивановны.

Войдя в прихожую, он обратился к иерею, сидящему за столом и пьющему маленькими глотками чай:

– Отец Мифодий, я схожу ненадолго тут рядом. Помочь чего-то соседке. Просила очень. Одна живет.

– Это к Варваре, что ли? – раздался голос Марьи Ивановны. – Вот неймётся окаянной! Ни одного мужика не пропустит.

– Что вы так плохо о вдовах думаете, – делано обиделся Прокопий. – Мало ли что есть, чего женщина сделать не может. Мужичью работу, например, мужик делать должен.

– Вот-вот! Я и говорю: ей одна мужичья работа нужна – в постели, – сплунула Марья Ивановна.

Прокопий крикнул и развел руками: что спорить с бабой, мужика небось никогда не знавшей.

Мифодий, улыбнувшись в душе, строго сказал:

– Сходи. – И, кивнув головой в сторону окна, за которым виднелись сани, многозначительно продолжил: – Но смотри не забывай, лихих людей не пропусти.

– Да уж лихих людишек сейчас много, – переключилась сразу на другую тему разговора Марья Ивановна. – Грабют всякие. Коней, птиц, корм отбирают все кому не лень, и все кричат, что они власть. А поди разбери, от власти они или нет?! Да и что за власть сейчас? Каких-то Советов! Что за Советы такие? Кто там совещается и что они там насовещают? Не поймешь! А у кого ружьё есть, тот и власть нынче. Вот так! Ох, время плохое. Дай Бог, покарать всех нечестивцев.

– А что, Марья Ивановна, – спросил священник, – по дороге на Еремеев посад очень неспокойно? А то вытегорские мужики, говорят, восстание подняли за свою власть. Не слышали?

– Как не слышать, – ответила хозяйка. – Говорили люди, что и в Еремеев посад вытегорцы приезжали. Тоже звали супротив новой власти подыматься.

– И что мужики еремеевские надумали?

– А что мужики! Село большое. Мужиков есть уж поболее, чем в нашей деревне. Их особо никто ещё не трогал. Вот и сидят еремеевские мужики ни холодно ни горячо! А по дороге, конечно, всяко может быть. Через нашу деревню какие только с оружием не скакали. А кто они, кто разберет? – судачила Марья Ивановна, суется у печки.

Баженов, увидев, что на него не обращают внимания, выскочил за дверь, перешел улицу и, открыв калитку, степенно пошел по дорожке к крыльцу, где его ждала улыбающаяся Варвара...

Весть о том, что у Марьи Ивановны находится постоялец, да не простой, а батюшка из Петрозаводска, быстро разнеслась по деревне. И к дому Марьи Ивановны потянулись немногочисленные старики и старухи. Марья Ивановна сразу сообразила, что отцу Мифодию покоя не дадут, и уговорила его провести после обеда непродолжительную службу в часовенке. Она вышла на крыльцо и строго крикнула:

– Через часик приходите в часовню. Отец Мифодий службу проведет. А сейчас не мешайте! Дайте человеку с дороги отдохнуть.

Через час у часовни толпились почти все взрослые жители деревни, в основном женщины. Марья Ивановна открыла часовню – бревенчатый пятистенный сруб, уходящий вверх и заканчивающийся остроконечной крышей. Венчал часовню большой деревянный крест. Вскоре подошел и иерей Мифодий. Часовенка не смогла вместить всех желающих, и часть жителей осталась у открытого выхода, заглядывая через головы впереди стоящих на батюшку, возвышавшегося над всеми благодаря своему росту и находившемуся под ним небольшому постаменту. Служба прошла спокойно. Было видно, что люди соскучились по настоящей службе. Во время службы часто с самозабвением крестились. Где шёпотом, а где и громче повторяли слова молитвы вместе с батюшкой. После службы жители деревни вначале робко, а затем всё громче и наперебой забросали священника вопросами. Иерей Мифодий на вопросы отвечал осторожно, стараясь витиевато рассуждать о творящихся событиях и о новой власти. Он сам толком не мог понять, какую по названию власть он хочет. С одной стороны, как выходец из народа и много хлебнувший на фронте с простыми солдатами, он не хотел власти царя. С другой стороны, начинал понимать, что советская власть церковь не жалует. С третьей стороны, в Советах были эсеры, которым он импонировал. Разобраться в разных партиях было сложно. Лучше идти за людьми, которых знаешь. Но люди сами перемешались в различных партиях, взглядах. Понять всё это для иерея Мифодия, в миру российского гражданина Смирнова, да и для многих живущих в России было непросто, фактически невозможно. И жили, и думали все эмоциями, хлеставшими по России от края и до края...

Баженов, расслабленный, чуть уставший, приятно опустошённый и с диким чувством голода, сидел за столом в доме Варвары в одних брюках и рубашке навывпуск. Он жадно хлебал щи, дымящиеся в тарелке и только что налитые хозяйкой. Искоса посмотрел на Варвару, согнувшуюся над плитой. Её округлые бёдра, выделяющиеся на обтягивающем их платье, опять возбудили в нём желание. Ладони Прокопия как будто вновь ощутили шелковистую, упругую кожу Варвары. Варвара выпрямилась, посмотрела на Баженова и улыбнулась чуть полуоткрытыми, влажными губами. Лицо её пылало свежестью и довольством, а глаза светились той умиротворённостью и открытостью, которая присуща женщине, не так давно отдавшей всю свою накопившуюся в томящемся теле страсть ласкающему её мужчине. Прокопий доел щи. Варвара нагнулась поставить на стол чугунок с картошкой. В глаза Прокопию бросились её яркие, блестящие губы и округлые груди, нахально выглядывавшие из верха платья. Он не выдержал. Выскочил из-за стола, опрокинув скамейку. Схватил со спины Варвару за талию. Чуть оттащил её от стола. Повернул к себе. Обнял. И впился губами в её притягивающую и бесстыдную улыбку. Затем, приподняв Варвару над полом, понёс её на ещё не остывшую от недавних ласковых потех постель.

5.

Около четырех часов дня бричка и розвальни с тремя отдохнувшими посланниками протоиерея выехали из Педасельги. Лошадки, тянущие сани, неторопливо потрусили по укатан-

ному насту вытегорского тракта. К половине восьмого вечера путники планировали заночевать в деревушке, находящейся в двух верстах от деревни Тахручей. Дорога в быстро надвигавшихся сумерках становилась все менее заметной и вскоре уже угадывалась только по проёму между черными стенами леса и белому снежному насту на самой дороге. Лошади пошли медленнее, осторожно выбирая путь. Светлее было только при появлении охватывавшей дорогу заснеженной болотины с редкими карликовыми деревцами, а также на редколесье пригорка, куда периодически заводила путников петляющая лента вытегорского тракта. На одном из таких пригорков путники услышали впереди недалекий и неблизкий храп нескольких лошадей. Мифодий дал знак «остановиться». Баженов прижал сани к сугробу обочины и вместе с иереем стал напряженно вглядываться в близлежащий поворот убегающей впереди дороги.

– Может, свернуть в перелесок, – негромко и задумчиво, как бы советуясь, сказал иерей Мифодий.

– Нет, нельзя, – также негромко произнес Прокопий. – Розвальни у Семена тяжелые, могут завязнуть.

Он деловито достал из-под сиденья пулемет, прицелкнул к нему диск с патронами, положил пулемет на сиденье и накинул сверху мешковину. Мифодий также взвёл курок нагана и нащупал гранату «лимонку» в кармане. Впереди из-за поворота показались очертания четырех ехавших шагом всадников, которые, увидев на пригорке стоящие сани, вначале остановились, а затем, чуть пришпорив лошадей, двинулись на посланников протоиерея. Когда до брички оставалось шагов двадцать, Мифодий с Прокопием увидели у каждого из приближающихся мужчин винтовки, которые они держали на изготовке. Все всадники были одеты в кавалерийские полушубки и шапки, яловые сапоги; из-под полушубков выглядывали ножны шашек. Явно это были военные люди, возможно, бывшие казаки.

– Приготовься, – шепнул священник Прокопию.

Окружив полукругом бричку, всадники какое-то время молча разглядывали посланников протоиерея. «Господи, – подумал Мифодий, – и какую власть эти милейшие представляют? Советов? В Советах можно и офицеров найти, и казаков, а солдат тем более. Мужиков волостных? Да, и среди мужиков бывших вояк немало, а среди офицеров-дворян тоже найдутся баре крепкого мужика поддержать. Разбираться некогда, если не отстанут, придётся грех на душу взять!» – решил он. Понял иерей и почему Баженов прижал сани впритык к обочине. Всадники смогли окружить их только с двух сторон, так как две другие стороны занимали запряженная в бричку лошадь и сугроб на обочине. Один всадник встал прямо напротив Мифодия так, что морда его коня чуть не тыкалась в голову священника. Двое других встали позади саней. Четвёртый гарцевал в отдалении и посматривал в сторону розвальней, где сидел Семён Лазарев. Прокопий повернулся вполоборота к упирающимся в его спину двум лошадиным головам, соорудил пугливую, просящую мину на лице и, глупо улыбаясь, сказал:

– Мужики, вы что, мужики?! Коней-то уберите подальше, а то они мне всю спину ошпилют. Мы же ничего, мы мирные.

– Кто такие? – голосом, привыкшим отдавать приказы, четко и властно спросил один из всадников, крепкий, угрюмый мужчина. Его лошадь находилась напротив сидящего Мифодия.

Священник поднял глаза:

– Служители церкви из Петрозаводска. Я – священник, иерей Мифодий. Едем по поручению епископа Олонецкого отца Иоанна в Еремеев посад к больному отцу Савелию, чтобы отвезти его в губернскую больницу.

– Умер ваш отец Савелий, – хмыкнул угрюмый. – Сегодня похоронили.

«Так, раз отец Савелий „наш“, то вы явно не волостные мужики», – мелькнула мысль у Мифодия, и он сжал рукоять нагана в кармане тулупа.

– Поэтому, уважаемый батюшка, – усмехнулся угрюмый, чуть расслабившийся и повернувший коня боком к священнику, – везти вам уже некого. Сейчас по всей России борьба

с Советами разворачивается, за власть без Советов. А церковь советская власть не жалуется. Верно, батюшка? Так что святой борьбе с Советами помогать надобно. Вот у вас двое саней с лошадьми, а вам троим совсем ни к чему двое саней. И отберут ваших лошадей не сегодня завтра Советы или бандиты какие. Так что перейдите, батюшка, на другие сани, а эта бричка с лошадкой другому богоугодному делу послужат.

Это были последние слова угрюмого. В этот раз Мифодий раздумывать не стал. Пуля, выпущенная им из нагана в кармане тулупа, вошла снизу в подбородок угрюмого и застряла где-то в его мозгу. Смерть наступила мгновенно, и его падающее с лошади тело уже не несло в себе жизнь. В это же время бывший разведчик Баженов, откинувшись на спину, с двух вытянутых назад рук снизу-вверх палил из нагана и маузера по другим трём всадникам. Двух всадников позади себя он уложил первыми же выстрелами так быстро, что они не успели ни выстрелить в ответ, ни что-либо понять, не ожидая такой прыти от служителей церкви. Четвертый всадник успел произвести выстрел в сторону Мифодия. Но перед ним рванула испугавшаяся выстрелов лошадь с телом угрюмого. Эта лошадь и приняла на себя пулю, летевшую в священника. Баженов пытался целиться из маузера в последнего живого всадника, но ему мешали два коня, взбесившиеся от запаха крови, дыма и грохота выстрелов. Ко всему прочему лошадь, запряжённая в их бричку, не оказалась спокойнее и смелее других своих собратьев и также от страха рванулась вперед. Прокопий чудом не вывалился из саней, успел схватить поводья и с трудом остановил лошадь. Мифодий, вторым выстрелом ранивший всё же последнего нападавшего, от резкого движения брички тоже чуть не вывалился на дорогу, но, вцепившись в передок, удержался. Четвёртый всадник был на какие-то секунды забыт и успел, пригнувшись к холке коня, ускакать в сторону Тахручья.

– Вот бандюги! Что за жизнь пошла, любая власть норовит всё забрать. Грабители! – ругался Баженов, потирая спину, потянутую от рывка саней.

У Мифодия ныло бедро, ушибленное о сиденье саней. Но не успели наши герои хоть немного передохнуть, как из мглы, поглотившей сбежавшего всадника, раздались хлопки винтовочных выстрелов. На дороге возникли силуэты около десятка всадников.

– Э-э-эх, – выдохнул Прокопий и крикнул, откидывая мешковину с пулемёта: – Мифодий! Разворачивай коней!

Затем он выскочил с брички, взял пулемёт и навскидку ударил длинной очередью в сторону нападавших. Первые две лошади с всадниками, вырвавшимися вперед, подкосились, нагнавшись на невидимую стену, и рухнули. Остальные всадники застопорились на узкой дороге перед возникшей преградой. В это время священник развернул лошадь и махнул Семёну сделать то же самое. Но Лазарев и без указаний понял, что дороги вперед нет, и шустро управлялся с конем. Иерей бросил подряд две гранаты в сторону столпившихся около упавших коней всадников. Гранаты, не долетев до цели пару метров, упали и разорвались. Баженов, воспользовавшись заминкой, вскочил обратно в бричку, на ходу пристраивая пулемет на сиденье, и, не мешкая, вновь дал очередь по нападавшим. Бричка и розвальни одновременно рванули в обратную сторону. Проехав в быстром темпе минут десять, лошади стали сдавать. В первую очередь выдохлась лошадь Лазарева, что было понятно с её тяжелым грузом. Погони не было слышно. Впереди едущий Семен остановил лошадь и, дождавшись бричку, сказал:

– Отец Мифодий, налево сейчас будет дорога на Пухту. По ней мало кто ездит. Чужие о ней не знают. С тракта отворот на Пухту в темноте разглядеть трудно, можно и не заметить. Лошадь моя больше так быстро ехать не может – устала. А в Пухте моя сестра живет. Можно у нее переночевать.

Иерей и сам понимал, что дорога на Тахручей закрыта. Во всяком случае, продолжать сейчас путь не могло быть и речи. Возвращаться в Педасельгу тоже было опасно: встретившиеся им вооруженные люди, явно неместные, направлялись как раз по дороге в деревню, где днем отдыхали посланники протоиерея. Он согласно кивнул головой, и их небольшой отряд

свернул в черную чащу леса. Лазарев слез с розвальней, взял лошадь под уздцы и пошёл впереди. Дорога на Пухту была в два раза уже вытегорского тракта, на ней встречным саням было не разъехаться. Дорога еле угадывалась, смутно проступая в стоящей впереди мгле, а иногда и вовсе пропадала. Иерей Мифодий не мог понять, как Семен Лазарев умудряется находить путь в этой чащобе. На удивление наст на дороге был крепкий, но не ровный, поэтому сани не проваливались, но болтались из стороны в сторону. По этой причине, а также из-за темноты продвигались вперед очень медленно. Лошади фыркали и осторожно выбирали, куда ступить. Через два часа после того, как свернули с тракта, Лазарев остановился и подошёл к двум своим товарищам.

– Минут через пять в Пухту въедем. Что говорить-то будем сестре? – спросил он.

– Что говорить? – вздохнул Мифодий. – Я вот всю дорогу думаю, как нам теперь в пустынь попасть. На рожон в Тахручей не полезешь. Сколько этих вояк может быть? Где они сейчас? Как пальнут из засады, зараз нас перестреляют, как куропаток. На разведку бы сходить, узнать, что и как.

– На разведку день уйдет точно, а может, и два, – стал рассуждать Баженов. – Начинать надо с Педасельги. Были там эти бандюги или нет? Потом в Тахручей ехать. Но скрытно подъехать нельзя. Лошадь через лес не пройдет, снег глубокий, а по дороге всё видно днем, и где угодно можно на засаду нарваться. А пешком идти по лесу тридцать верст не пойдешь. Только ночь остаётся. И то ночью в избу никакую не зайдешь – не откроют: боятся люди. И собаки брехать будут на чужого. Но я готов сходить разведать. Не впервой. Но это только в следующую ночь.

– А если эти вояки в Тахручье остановились? – продолжил священник. – Сколько они там пробудут? И мы будем каждую ночь в разведку ходить? А если они уже в Педасельге? И кто-то им сказал, что мы обратно через деревню не проезжали? Уж быстро узнают, что мы только в Пухту могли проехать.

– Нет, сегодня эта банда в Педасельгу не поедет, – возразил Прокопий. – Не дураки они ночью под наши пули лезть. А вот к утру могут. Тогда да, до Пухты они быстро доберутся.

– Что же делать? К утру нас в Пухте не должно быть. И в Петрозаводск возвращаться нельзя... – Задумался иерей и обратился к Лазареву: – Семён, может, ещё какая дорога есть?

Лазарев помолчал и медленно ответил:

– Была дорога ещё. Как раз зимняя. Летом там не проедешь – топко, воды много. По ней монахи лес, камень возили через Погост на железнодорожную станцию. Там всё грузили на поезд и гнали на продажу в Петрозаводск. Лес-то в основном зимой валят и продают. Летом лес не вытащишь – болота кругом, вода, буреломы. Вот только я по той дороге уж лет пятнадцать не ездил. Уж и забыл, как ехать. Да и есть ли она сейчас? Поди монахи с этой кутерьмой в России могли лес-то и не возить.

– И что от монастыря намного ближе до станции, чем до Петрозаводска? – спросил Прокопий.

– Почитай, до станции им ехать надо было верст тридцать, а до города через Тахручей и Педасельгу около ста, – ответил Семен.

– Вот у твоей сестры и спросим про эту дорогу, – пробасил Мифодий. – И нечего делать, скажем ей как есть. Что едем в Яшезерскую пустынь по делам церковным. И то, что на нас напали, тоже надо сказать. Но про то, что мы на дороге этим бандитам устроили, говорить не надо.

– А сколь от Пухты твоей до монастыря вёрст будет? – снова спросил Баженов Семёна.

– От Пухты, не доезжая до Погоста двух вёрст, поворот налево должен быть. Это вёрст двадцать. А там ещё до пустыни по зимней дороге около двадцати пяти вёрст. Если, конечно, эта дорога есть, – ответил Лазарев.

6.

Впереди посветлело. Уставшие путники выехали на укатанную дорогу. Налево дорога терялась в темноте леса. Направо виднелась окраина небольшой деревушки. Это и была Пухта. Если проехать через всю деревню и дальше восемь верст, то снова окажешься в Педасельге. Был поздний вечер. Немногочисленные жители, рано ложившиеся спать, готовились ко сну, а некоторые уже затушили огни. Кое-где лениво брехали редкие собаки. Лазарев подъехал к одноэтажному дому, стоявшему вначале деревни, и осадил лошадь. Позади него остановилась бричка. Лазарев открыл калитку и прошел к высокому крыльцу дома, постучал в окно. Вскоре путники сидели в жарко натопленной избе и пили чай. Предварительно лошадей распрягли и завели в конюшню. Розвальни с грузом затолкали во внутренний сарай дома, закрыв изнутри тяжелыми деревянными воротами. Туда же из брички перенесли ящик с динамитом и пулемет, завернутый в мешковину.

Клавдия Ильинична, родная сестра Семена Лазарева, маленькая женщина пятидесяти лет, готовила незамысловатый ужин и беспрерывно говорила. Новостей житейских накопилось немало. С братом она не виделась около года, с тех пор как Семен приезжал на похороны её мужа. Жила Клавдия Ильинична с тремя детьми: тринадцатилетним Ванюшкой, пятнадцатилетним Григорием и двадцатидвухлетней Дарьей, а также со свекровью, бабой Евдокией. Свекрови перевалил восьмой десяток, и она, маявшаяся от болей в ногах и пояснице, почти все время, как и сейчас, лёжа грелась на печной лежанке. Был у Клавдии Ильиничны еще один сын, старший Илья, который вот уже как два года погиб на войне с германцами. Сыновей Ванюшку и Григория Клавдия Ильинична загнала спать. «Нечего тут взрослые разговоры слушать!» – прикрикнула она на мальчишек, пристроившихся было на скамейке около стола, где сидели гости. Дочь Дарья помогала матери готовить и накрывать на стол. Это была среднего роста, черноволосая, сбита, живая девушка с округлым лицом, на котором выделялись блестящие зелёные глаза с большими ресницами и маленький, чуть остренький носик. Этот носик-курносик придавал ей так притягивающие мужчин беззащитность и детскую наивность. Она была в том созревшем возрасте, когда уже необходимо быть замужем. И так и было в прежние времена, но сейчас война отобрала почти всех женихов. В Пухте и близлежащих деревнях холостых парней для нее не было: кто погиб на этой проклятой войне, кто до сих пор не вернулся с фронта и мотался по дорогам революционной России, кто пришёл настолько искалеченный немецкими пулями и снарядами, что о семейной жизни и мужских обязанностях не думал. Редких вернувших солдат расхватывали наиболее шустрые девки. Поэтому Дарья сразу обратила внимание на ладного Прокопия и украдкой бросала на него томные взгляды. Баженов случайно поймал взгляд Дарьи. Таких взглядов он в своей жизни ловил немало и прекрасно понимал состояние бросавших эти взгляды девушек. Но он быстро отвел глаза и старался больше не смотреть в сторону Дарьи – Дарья была племянницей Семена, и Баженов не хотел возникновения хоть какой-либо неприязни между ним и своим новым боевым товарищем, тем более из-за какой-то девчонки. Да и Варвара в Педасельге помучила сегодня Прокопия изрядно. Он до сих пор помнил упругое тело молодой вдовы.

Клавдия Ильинична присела наконец к гостям за стол и полюбопытствовала:

– Куда ж вы едете? В Погост, что ли?

– Нет, не в Погост, – ответил за всех Мифодий. – Едем в Яшезерскую пустынь по делам церковным, очень неотложным и нужным. Вот только загвоздка у нас вышла! Не могли на Тахручей проехать. Какие-то люди нехорошие по дороге завелись. С оружием! Шалят, стреляют.

– Ой! Вот беда-то! – всплеснула руками Клавдия Ильинична. – И то правда! Нынче тоже с ружьями приезжали. У Матрёны Сёмкиной лошадь забрали. Говорят, для нужд риллюции какой-то!

– Не «рилюции», а ре-во-лю-ци-и, – поправила Дарья, снисходительно посмотрев на мать и сказав слово «революция» по слогам с чувством собственной гордости, что она знает такие слова.

– Да-да, этой! Как дочка сказала, – согласилась хозяйка и снова любопытствовала: – А что случилось-то? Неужто вас кто-то тронул?

– Нет, не успели тронуть, – продолжил иерей. – Мы услышали впереди выстрелы, даже бомба разорвалась, и успели свернуть на дорогу к вашей деревне. А потом слышали, как кто-то проскакал по дороге на Педасельгу. Много людей проскакало! Нас темнота спасла. Развилки-то к вам почти не видно с тракта вытегорского. В Тахручей ехать не рискнули. К вам по совету Семёна приехали. Ночевать-то в Тахручье хотели.

– Да-да, – согласилась Клавдия Ильинична. – Куда уж в Тахручей теперь ехать?! А у меня места всем хватит. – И удивленно воскликнула: – А как же вы теперь в пустынь-то попадете?

– Вот это-то, Клавдия Ильинична, мы и хотим у вас спросить, – ответил священник. – Говорят, есть ещё одна дорога к монастырю. Зимняя. Через Погост.

– Ах, это та! – вспомнила хозяйка. – Дак и Семён её знает.

– Забыл я уже, Клава! Поди, лет пятнадцать по ней не ездил, – вздохнул Семён.

– Даже не знаю, – задумалась Клавдия Ильинична. – Может, её уже снегом занесло.

Семён Лазарев уныло проговорил:

– Да, по глубокому снегу мы не проедем.

Мифодий и Прокопий также погрустнели.

– Не проедем! – повторил твердо Семён. – Даже если проводника найдем.

– А что проводника искать! – восторгалась хозяйка. – Мой Гришка давеча, с месяц назад, по ней с монахами ездил. Я его тут пристроила к монахам на нашем Лютом бревна возить до станции. Всё копейка в дом!

– Да что ж ты молчала?! – радостно вскрикнул брат. – Зови Григория!

– А ты не спрашивал, – заворчала сестра. – И ты не кричи. Я же говорю, может, там уже и дорога-то вся под снегом. – И пошла будить сына.

– А что коня Лютым назвали? Злой, что ли? – спросил улыбающийся Баженов, который, как и иерей Мифодий, воспрянул от появившейся надежды.

– Да нет, – усмехнулся Семён, – как раз наоборот. Слишком спокойный. Иногда и с места не сдвинешь, упрется как баран. В шутку и назвали Лютым.

Вышел Григорий, высокий, худенький подросток с живым, любопытным лицом. Было видно, что он не спал. И по тому, как он начал говорить, стало ясно, что он слышал весь разговор взрослых.

– Что дорога! Дорога ничего! – произнёс Гриша, важно расположившись на скамье за столом, весь распираемый от гордости, что его, мальчишку, слушают взрослые. – После меня монахи ещё с неделю бревна возили. Дорогу-то хорошо укатали. А за две недели снега немного выпало. Думаю, проехать можно. Но не шибко. Шагом ехать нужно.

Мужчины повеселели.

– Слава Богу! Видно, на святое дело Господь дорогу указывает, не дает пропасть, – сказал облегченно священник и перекрестился.

За ним перекрестились и все остальные. Гости принялись за остывший ужин, о котором забыли, увлекшись волнующем их разговором.

– Семён, когда поедете-то? – спросила Клавдия Ильинична брата.

Лазарев пожал плечами и вопросительно посмотрел на священника:

– Что скажете, отец Мифодий?

Иерей в свою очередь поднял глаза на Баженова:

– Что думаешь, Прокопий?

– В шесть утра надобно трогать. Не позже! – ответил Баженов и макнул картошку в постное масло. – Эти бандиты, которые нам встретились, в Педасельгу раньше девяти утра не сунутся. Пока то да сё, в Пухту бандиты часов в одиннадцать попадут. Значит, у нас в запасе пять часов ходу будет. За это время, дай Бог, мы на зимнюю дорогу свернём.

– Клавдия Ильинична, – обратился Иерей Мифодий к сестре Лазарева. – Вы не говорите в деревне, пока не спросят, что мы у вас были и ночевали. Дай Бог, нас никто не заметил, когда мы к вам свернули! А утром все спать ещё должны. В темноте могут не разглядеть, что мы уезжаем.

После ужина Клавдия Ильинична вдруг всплеснула руками:

– Вот дура старая! У меня же банька сегодня топлена! Попариться навряд ли получится, остыла небось уже для пара, а помыться ещё можно. Пойдёт кто али как?

Помыться, кроме Баженова, никто не захотел. Иерей пошел укладываться спать. Семён с Клавдией остались за столом. Дружным брату с сестрой всегда было о чём поговорить, пожалиться друг другу, вспомнить. Этот разговор приносил им обоим то внутреннее облегчение, которое может дать только родной по крови и близкий по духу человек...

Баженов зашёл в баню. Зажёг керосиновую лампу. Баня состояла из раздевалки и парилки, совмещенной с моечной. В раздевалке было холодно, и Прокопий разделся в ней только до нижнего белья. В моечной его приняла сухая приятная теплота – от печки еще шёл жар. Баженов плеснул на камни немного воды, но вода зашипела вяло, без пара и разлилась по камням мокрым пятном. Сняв последние остатки одежды и повесив их на гвоздь, торчащий около двери, Прокопий налил горячую воду в деревянную шайку и стал мыться. Он не услышал, как к окну моечной со стороны улицы подошла Дарья. Она прислонила лицо к стеклу небольшого окошка и увидела в отблесках пламени от керосинки статное, мускулистое тело Прокопия. Прокопий встал, повернувшись лицом к окну, чтобы опрокинуть на себя шайку с водой. Дарья отпрянула от окошка. Её сердце бешено заколотилось. Краска залила её лицо. Но зная, что мужчина её не мог видеть в наружной темноте, снова прильнула к окну. Она жадно пожирала глазами Прокопия, чувствуя, как у неё сохнут губы, отнимаются от прихлынувшей истомы ноги. Её ладони сами стали сжимать-разжимать ноющую грудь. Затем, больше не в силах терпеть, Дарья, как во сне, вошла в раздевалку, сбросила всю одежду и, нагая, открыла дверь в моечную.

Баженов ошеломленно смотрел на вдруг появившуюся девушку. Она стояла прямо, опустив руки вдоль бедер. Лицо её пылало. Глаза лихорадочно блестели. Грудь вздымалась от частого дыхания. Она была прекрасна в своей вызывающей наготы! Белое, округлое, молодое тело кричало о похоти. Девушка шагнула к мужчине, прижалась к нему, стала опускаться вниз, целуя его грудь.

– Возьми меня, бесстыжую! Любый мой! Делай, что хочешь! – иступлено шептала она.

Прокопию передалась дрожь её упругого тела. «Что творят девки без мужиков! Но я этого не хотел!» – мелькнула у него мысль, которая тут же растворилась во все поглощающем желании владеть этой безумной в своей страсти девушкой. Он подхватил Дарью под мышки, поставил её на ноги, сел на лавку так, что его лицо оказалось напротив его и жадно впился в её блестящие полуоткрытые губы.

7.

Бывший полковник русской царской армии Владимир Решетов сидел за столом в избе самого богатого мужика деревни Еремеев посад Ильи Коротова и пил чай. Полковник был статный, высокий мужчина сорока шести лет, с небольшой залысиной на макушке головы, с чуть рыжеватыми усами, плавно переходившими в небольшую бородку. Его высокий лоб выпирал над глазами, из которых пристально и холодно смотрели серые глаза. Форма кавалерий-

ского офицера русской армии сидела на нём как влитая, придавая еще большую стройность его телу. Френч на полковнике был наполовину расстёгнут, ремень снят. Решетов слушал доклад только что вошедшего есаула Кабанова.

– Сегодня в семнадцать часов тридцать минут, – говорил есаул, – примерно в тридцати верстах отсюда находившаяся в поиске часть нашего отряда была атакована неизвестной вооруженной группой. В результате перестрелки с нашей стороны погибло трое казаков, в том числе: урядник Елизаров. Двое ранены, один тяжело.

С трудом дослушав последние слова, побагровевший полковник вскочил со стула и стукнул кулаком по столу.

– Да вы что! Как?! Почему?! – закричал он, сверля взглядом есаула.

– Не могу знать! Меня там не было, – побледнел Кабанов.

Полковник вдруг успокоился, сел обратно на стул и закурил сигарету.

– Извините меня, есаул, нервы, – спокойным голосом сказал он и прикрыл глаза, откинувшись на спинку стула.

Под началом полковника Решетова находилось двадцать два человека. Это была разношерстная компания: семь приставших к отряду бывших солдат, в которых Решетов, чем больше они были вместе, подозревал давно шатающихся и промышлявших грабежами дезертиров; три представителя зажиточных вытегорских крестьян и одиннадцать казаков и есаул Кабанов; последние составляли костяк его отряда. Казаков и есаула полковник не без оснований считал самыми ему преданными и надежными. Бывших солдат Решетов терпел только из-за сложившихся обстоятельств – эти проходимцы как-никак а увеличивали боевую мощь его отряда, их постоянно полковник посылал вперёд, чтобы сохранить жизни своих казаков от случайностей. Не мог Решетов обойтись и без вытегорских мужиков в этой глухой местности, где и по-русски большинство населения не говорило. Вытегорцы служили отряду полковника проводниками, а где и переводчиками. Здесь у них имелись торговые и родственные связи, что немаловажно для попавшего в незнакомый край чужака. Вытегорцы не доставляли Решетову особых хлопот. Они требовали лишь одного – не обижать местных крестьян по пути следования, девок и баб не трогать. Но вдовы бабы и холостые девки сами в постель к солдатам и казакам лезли, а небольшой провиант отряд вез из Вытегорского уезда. Остальное докупали в пути. Бывшие солдаты периодически, втихую от вытегорцев и казаков, исчезали с мест стоянок в соседние деревушки и возвращались, подвыпившие и сытые, с подозрительно толстыми котомками. Казаки докладывали о похождениях солдат, но полковник смотрел на это сквозь пальцы, иначе дезертиры давно бы разбежались... А теперь он потерял трёх лучших своих людей! Потерял одного из лучших казаков – урядника Елизарова! Потерял в этом тёмном в своём невежестве, нецивилизованном, забытом Богом краю, куда случай занёс его для выполнения секретной миссии, которая известна была только ему одному. Никто в отряде, включая есаула Кабанова, не знал, куда ведёт их полковник. Даже о месте следующей остановки Решетов объявлял перед самым выходом из деревень, где они отдыхали. Полковник открыл глаза и посмотрел на мнущегося, уставшего от долгой паузы есаула:

– Где нападавшие?

– Скрылись, ваше высокоблагородие, – виновато ответил есаул и добавил: – Казаки волнуются. Хотят отомстить. А то ещё потеряли троих коней: один убит, двоих сами пристрелили – ранены в ноги и шею.

– Хорошо, – устало произнес полковник, понимая, что его командование над казаками держится только на его авторитете и некоторых непрочных в это смутное время обязательствах, принятых казаками перед Решетовым, а присягой, данной ими давно свергнутому российскому императору, казаки не связаны. – Но даю вам на это только завтрашний день! К ночи чтобы все были, – повысил он голос и мягко дополнил: – И без потерь, пожалуйста, голубчик.

Отряд полковника Решетова прибыл в вепсское село Еремеев посад накануне вечером. Здесь Решетов планировал переночевать и после обеда двигаться дальше. Вытегорцы, как и до этого в пути, быстро уговорили знакомых еремеевских мужиков «принять с миром» на постой нежданных гостей, от которых, обещали, не будет «баловства и прочего разбоя». Казаков и солдат тут же расхватили вдовы бабы, радуясь неожиданно привалившему счастью вновь почувствовать долгожданный запах сладкого мужского пота и терпкого табака. Полковника пригласил на постой бывший глава Шелтозерской волости, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии – богатый по местным меркам торговец и промышленник Илья Коротов. Есаул Кабанов разместился в доме напротив. На следующие сутки утром вся деревня вышла хоронить местного священника отца Савелия, умершего от тяжелой болезни. Казаки, есаул и полковник тоже пришли на кладбище отдать дань уважения настоятелю местной церкви. Вытегорские мужики, воспользовавшись похоронами, выступили около могилы, хитро перейдя от соболезнований по поводу смерти отца Савелия к начинающимся гонениям церкви со стороны новой власти. Стали агитировать не признавать Советы, ратовали за создание своей, мужицкой власти, которую они установили в своем Вытегорском уезде. Решетова и казаков мало интересовали эти разглагольствования. Власть мужиков они всерьёз не воспринимали. Когда похороны подошли к концу, есаул Кабанов обратился к полковнику:

– Ваше высокоблагородие, солдаты и казаки хотят в соседнюю деревню слетать. Это вёрст восемнадцать отседова. У солдат один конь, а у казаков четыре коня хромать стали. Долго не пройдут, заменить надо.

– А в этой деревне нельзя заменить? – хмыкнул полковник.

– Пробовали! Не хотят местные мужики коней менять, а силой... сами же сказали, чтобы всё по-хорошему было, – ухмыльнулся Кабанов.

– Хорошо, – не стал пререкаться полковник, недовольный, что ещё придётся торчать в этой деревне целый день, когда цель так близка, но понимал: без коней двигаться дальше действительно нельзя. – Солдаты пусть хоть все катятся из этой деревни. Без них спокойнее. А казаков немного пошли. Казаками рисковать нельзя! И к вечеру возвращайтесь!

Через полчаса в соседнее поселение Тахручей скорым шагом скакали четверо казаков во главе с урядником Елизаровым и шестеро бывших солдат. Но в Тахручье всадники нашли только две худые клячи. Как выяснилось, все мужики и часть баб и подростков уехали на саях ловить рыбу в Онеге. Вернуться рыбаки обещались не ранее вечера. В деревне остались некоторые бабы, старики да малые дети. Пройдясь по дворам, где заплатив, а где и забрав силой у ругающихся и плачущих баб несколько кур, десятков яиц, пару свиных окороков, бутыль самогона, казаки и солдаты, довольные, что нет офицеров, решили подождать возвращения рыбаков и расположились на обед в одной из изб. Двухчасовая пьянка чуть не закончилась мордобоем между казаками и солдатами. И только винтовочные выстрелы вверх урядника Елизарова и его шашка утихомирили пытавшихся сцепиться драчунов. Он же и решил для остывания всех пирующих попробовать найти коней в других деревнях, расположенных поблизости. Старуха, в доме которой сидели казаки и солдаты и к которой обратился урядник для выяснения состояния до близлежащих сёл, указала на деревню Педасельга и, чтобы выпроводить нежелательных гостей, схитрила, сказав, что до Педасельги всего вёрст шесть-семь. Вся пьяная ватага, подгоняемая урядником, вывалила на улицу, с трудом забралась на коней и тронулась по вытегорскому тракту в сторону Педасельги. Старуха тут же посадила на одну из кляч внучонка и наказала добраться до озера и предупредить рыбаков, чтобы они домой не возвращались.

Через час начало темнеть. Всадники более-менее протрезвели. Солдаты начали роптать, что деревни нет и пора возвращаться назад. Казаки тоже понимали, что семь верст уже закончились, но продолжали ехать рядом с угрюмым Елизаровым и постепенно ушли вперед солдат. Елизаров наконец решил дойти до близлежащего поворота и, если деревни не будет видно, повернуть назад. Пройдя поворот, казаки увидели в сумерках стоящую на пригорке бричку.

Приостановившись на мгновение, они рванули к саням. Дальнейшее для них было полной неожиданностью, тем более в этих глухих местах. Давно казаки не встречали такого военно-профессионального отпора! Какой-то священник и мужик в солдатской, презируемой казаками шинели умудрились за несколько секунд убить наповал трех казаков и ранить одного! И то раненый казак вырвался из смертельной ловушки только благодаря взбеленившейся от выстрелов лошади этих служителей церкви. Услышавшие выстрелы смелые от выпитого солдаты прищипорили коней, увлекли за собой попавшего навстречу казака и выскочили из-за поворота, стреляя кто куда. Но их пыл резко охладила очередь из пулемета, скосившая первых двух лошадей. Окончательно всех протрезвили разорвавшиеся две гранаты, осколки от которых ранили в голову одного солдата. Солдаты стали поворачивать лошадей назад, чтобы бежать от этого опасного места, но, увидев, что на пригорке уже никого нет и на них никто не нападает, остановились. В Еремеев посад вернулись поздно вечером, везя на санях, найденных в одном из дворов Тахручья, три трупа и одного тяжелораненого. Уцелевший раненый казак по имени Григорий ехал на коне сам. Его рука, прошитая пулей священника, лежала у него на перевязи, так как рана оказалась несерьезной: кости и сухожилий пуля не задела.

8.

Есаул вышел из богатого дома Коротова, перешёл темную улицу и зашёл в соседнюю избу, где его за столом поджидали тихо переговаривавшиеся казаки.

– Полковник дал добро до следующей ночи, – сказал он, сняв полушубок и подсев к столу. – Григорий! – обратился он к невысокому, лет двадцати пяти казаку. – Расскажи-ка ещё поподробнее, что за фрукты вам попались на дороге.

– Ну, значит, – начал, волнуясь, парень, – выехали мы из этой деревни. Коней-то там не нашли! – повысил он голос, словно оправдываясь за принятое урядником Елизаровым решение продолжить поиски лошадей в другом месте. – Мы вчетвером ехали впереди. Солдаты позади. Потом солдаты чего-то отстали. Темнеть начало. Уже обратно поворачивать хотели. И смотрим, впереди лошадь с санями на пригорке стоит, сани к обочине прижаты. Ну мы и поскакали к ним. Винтовки, как положено, приготовили. На горку когда заскочили, видим, что подале ещё одна лошадь с санями стоит. В первых санях двое мужиков сидело. Один в тулупе, у него ещё ряса из-под низу выглядывала. А второй в шинели. На вторых санях один мужик в тулупе сидел. Урядник-то и Пётр с Парамоном первые сани окружили. А я рядом сбоку встал и за мужиком во вторых санях стал приглядывать. Урядник стал спрашивать, кто такие, откуда. Этот, что в рясе, и говорит, что он, мол, отец Мифодий, по-моему. Едут они по поручению олонекского епископа к отцу Савелию. Того, которого нынче здесь похоронили. Вроде как забрать хотят этого отца Савелия в больницу в город. Потом урядник попросил этих двух с саней сойти и на другие сани пересест. Вдруг как началась пальба! Вижу, урядник с Петром и Парамоном с коней валятся. Я тоже пальнул, но не попал – конь помешал. А потом меня палили, ранили. Чудом успел вырваться! Тут навстречу солдаты скачут. Я обратно с ними – отомстить гадам! А эти откуда-то пулемет взяли. Наверное, внизу саней лежал. Этот в шинели как полоснёт очередь! Ну двух лошадей и скосил. А потом который в рясе гранаты бросил. Витьку, солдата, в голову ранило осколками. Потом эти сволочи сани развернули и дёру дали. Ну а солдат в погоню гнать и думать немисливо.

– А на вторых санях мужик стрелял или нет? – спросил Кабанов.

– Нет, не стрелял, это я точно помню, – ответил Григорий.

Есаул задумался, потом обратился к бородатому казаку лет около сорока:

– Елисей, Иван, сходи-ка к жене умершего отца Савелия, узнай, должен был к ним кто ехать али нет. Что-то не верится мне, что отцы-батюшки, как заправские вояки, гранатами и револьверами управляться могут.

– Понял! Всё проверю. – Бородатый встал из-за стола, оделся и вышел за дверь.

– А вы что узнали? – спросил есаул казаков.

За всех ответил круглолицый, лет тридцати пяти казак Трофимов:

– Дороги узнали, ваше благородь! Но лучше хозяин скажет. – И крикнул в глубь дома: – Иван Силантьевич, поди сюда!

Предварительно казаки, скрыв настоящую правду, сказали хозяину, что их разведка за Тахручем нарвалась на засаду военных от новой власти Советов. Советские вояки подло из лесу открыли огонь и скрылись. Из-за темноты и незнания местности преследовать советских гадов не стали.

В переднюю вышел заспанный хозяин, дед шестидесяти пяти лет. Иван Силантьевич оказался словоохотливым крестьянином. Он совершенно не знал ещё, что за новая такая власть Советов, и у него, как и у большинства жителей деревни, было полнейшее непонимание того, что творится в России. А вот офицеров и людей в военной форме по старой памяти он уважал, как уважают представителей незыблемой государственной власти, какова была почти всю его жизнь. Полковничья форма и форма есаула Кабанова вызывала у него почтительный трепет. Поэтому Иван Силантьевич был рад помочь «офицерам» и казакам. Он был глуховат, поэтому говорил громко и переспрашивал задаваемые ему вопросы.

– Значитца так! – довольный, что его слушают важные «офицеры», начал хозяин. – Отсель до Педасельги около сорока вёрст будет. Вот тутова рядом с Педасельгой ваших и потюкали!

От этих слов есаул поморщился.

Дед, заметив реакцию «офицера», принял соболезнующее лицо и, размашисто перекрестившись, с чувством выдохнул:

– Да упокой их души, Боже! – И продолжил: – Ещё дальше дорога на Петрозаводск пойдёт. А направо от Педасельги дорога на Погост будет. Большое село, крепкое! Ну и так до самой железки, где паровозы ходят. Но нынче, говорят, почти не ходят. От Педасельги по погостинской дороге через вёрст восемь деревня Пухта будет. Мелкая деревня, но ершистая! Годков так десять назад, помню, встрелились ихнии мужики с нашими на Онеге... – Хозяин сделал паузу и хитро посмотрел на казаков, как смотрят на слушателей, ожидая от них требования продолжить очень интересную, по мнению рассказчика, историю, но, к своему удивлению, дед увидел нахмуренные брови «офицеров» и быстренько оборвал сам себя: – И ладно! В другой раз поведаю. Вот. А к Пухте, значитца, можно и другой дорогой ехать отседова. Ента дорога узкая, вертлявая, как кишка телячья! Одни сани только втиснутся! А чтоб на енту дорогу попасть, нужно налево свернуть, там развилка, когда вёрст двадцать от Тахручья проедете. А от Тахручья ещё дорога в Яшезеро ведёт, дальше она кругом идёт и здесь, в Еремеев посад, вертается.

Есаул слушал деда и чертил по его словам схему дорог на бумаге, которую достал из планшетки, висевшей у него сбоку. Есаул Кабанов был неглупый офицер, топографию и военное дело он знал отлично, кроме всего прочего, не раз командовал разведгруппой и по тылам германцев ходил.

– Иван Силантьевич, – спросил он у хозяина, – к кому можно обратиться спросить в Педасельге, Пухте, Погосте, если понадобится?

– Ить можно, – заулыбался дед, радостный, что его помощь нужна «офицерам». – В Педасельге можно к Марье Ивановне обратиться. Она одна живет. За часовней местной присматривает. У ней и остановиться можно. Она как бы постой держит. Больше для священников, но и другим не откажет. В Пухте к свояку моему, Семену Андреевичу Терехову, можно зайти. От меня всем привет и поклон передавайте – чай, не откажут! А вот в Погосте и не припомню кто. В лицо помню кой-кого, а имя-то запомнил. Но можно у наших еремеевских поспрашивать – должны знать!

– Спасибо, Иван Силантьевич! – прервал хозяина есаул, решив, что узнал от деда пока достаточно, а дальше по обстановке и других поспрашивать можно, и время было дорого, дед же готов был трепаться всю ночь.

– Идите спать, Иван Силантьевич, нам обсудить кое-что надо, – твердо сказал Кабанов, выпроваживая хозяина.

– Понимаю, военная тайна! – стал серьезным до смешного дед и вышел, кряхтя, из комнаты.

Казачьи, немного повеселевшие от говорливого хозяина, увидев строгий взгляд есаула, притихли.

– Значит, так, – стал рассуждать Кабанов. – Мы имеем двое саней с тремя людьми. Двое из людей явно бывшие военные. При этом прекрасно владеют и пулеметом, и наганами. И чувствую я почерк бывшего разведчика! Сам бы так действовал! Вот ведь, встретили они казаков не на ходу, а стоя. Значит, уже раньше казаков услышали, приготовились! К обочине прижались. А почему? Потому что охватили их казаки только с двух сторон. И разворачиваться назад сподручнее было. А как стреляли! Трех казаков за секунды уложить! И сидя-то! На это только разведчик способен. Так что противник нам попался нелёгкий. Но и мы не лыком шиты! Шли они в сторону Тахручья. Вот здесь, – есаул ткнул карандашом в нарисованную им схему и дальше стал показывать на схеме ход своих мыслей, – на Тахручей они пришли из Пухты или из Педасельги. Туда же и должны вернуться после встречи с казаками. В Тахручей они теперь не полезут – нас должны опасаться, не глупые. А если они куда обратно надумают вернуться, найти мы их... можем не найти! В ночь нам сейчас опасно ехать. В любой деревне собаки переполох устроят. И местность нам незнакомая. Надо по обстановке действовать! К рассвету мы должны быть в Педасельге. А там как повезет, – закончил есаул.

Вскоре в избу, где сидели казаки, возвратился казак Елисеев, посланный к жене умершего священника Савелия. Он рассказал интересные вещи. Оказывается, действительно есть в Петрозаводске священник Мифодий. Но то, что отцу Савелию осталось жить недолго, его жена знала. Месяц назад приезжал доктор из города, посланный олонецким епископом! Врач-то и сказал, что батюшка Савелий уже не жилец, но просил жену никому, в том числе мужу, не говорить об этом.

– Значит, – задумчиво сказал есаул Кабанов, – расстрелявшие казаков людишки нагло ввалили уряднику Елизарову о цели своей поездки. А зачем врать-то? Мало ли простых причин придумать можно! Что-то тут не так. Ну да ладно, завтра разберемся.

Раненого казака Григория есаул решил оставить, хоть молодой казак и рвался в бой.

– С больной рукой винтовку ты держать не сможешь! – отрезал есаул.

Не хватало одного коня, но коня с радостью одолжили солдаты: встречаться второй раз с лихими мужиками они совершенно не желали, а так как бы приняли участие в отмщении обидчикам. Но казаки и не рассчитывали на помощь бывших дезертиров. Ранним утром из Еремеева посада в сторону Педасельги рысью выехали восемь всадников – семь казаков и есаул Кабанов. Этим же утром, но чуть ранее, из деревушки Пухта в сторону поселения Погост тронулись двое саней. В санях сидели трое посланников протоиерея и подросток Григорий. Было темно. До рассвета оставалось три часа.

9.

Небо начинало светлеть. В утренней морозной тишине сухо потрескивали стволы высоких елей. На более светлом пригорке широкого тракта стояла группа всадников. Двое спешившихся военных осматривали при свете горящих факелов что-то на снежном насте. Свет от огня причудливо искажал фигуры лошадей и людей, багровыми пятнами выхватывал лежащий на обочине и у деревьев снег и обрывался на черной стене леса.

– Вот здесь их и положили, – негромко сказал бородатый казак, внимательно вглядывавшийся в следы на дороге.

– Да, Елисеев, – согласился другой в форме есаула.

– Вот следы от полозьев саней, вашеблагородь, – продолжил бородатый, отойдя метров на пять. – А ведь вторые-то сани тяжелые! – воскликнул он. – Быстро никак ехать не могут. Смотри-ка! Здесь сани развернулись, обратно поехали.

Есаул вскочил на коня и крикнул:

– За мной, вперед!

Всадники рванули в белеющую впереди полосу тракта. Остановились они около уходящей влево развилки. Снова казак Елисеев и есаул сошли с коней, зажгли факелы и стали осматривать сворачивающие на другую дорогу следы полозьев саней.

– Выдохлась одна лошадка-то, – удовлетворенно сказал казак. – Ноги еле волочит, шаг сбита, – указал он пальцем на следы копыт лошади.

Затем Елисеев, наклоняясь, прошел вперед по главной дороге. Вернувшись к ожидавшему есаулу, хмыкнул:

– Из Педасельги ехали, а обратно, значит, на этой развилке свернули в Пухту.

Есаул задумался.

– Хорошо! В Пухте они от нас никуда не денутся, крюк через Педасельгу небольшой. А вот поболее о них разузнать нужно. Едем в Педасельгу! Проезжали они там днём. И люди их видели. Может, они там и останавливались? Едем! – решил есаул.

В Педасельгу въезжали, когда кругом почти рассвело. Деревня лениво просыпалась. Собаки после ночного бдения нехотя гавкали на появившихся незнакомцев. Люди настороженно, отходя подальше, осматривали вооруженных всадников. Есаул обратился к деду, стоявшему за забором и всматривавшемуся подслеповатыми глазами в подъехавших конников:

– Скажи, уважаемый, а где здесь живет Марья Ивановна?

– Марья-то? – переспросил дед. – Да дальше через три дома! А вы кто будете? – поинтересовался он, но не дождался ответа.

Подъехав к избе Марьи Ивановны, всадники спешили. Казак Елисеев тут же осмотрел подъезд к воротам дома и удовлетворенно шепнул есаулу:

– Отседова они выезжали.

Есаул, приказав ждать его у ворот, прошёл к крыльцу, постучал в дверь и вошел в избу. За столом он увидел сидящую и пьющую чай женщину.

– Марья Ивановна? – обратился Кабанов к хозяйке.

– Да, – настороженно посмотрела смотрительница часовни на вошедшего военного.

– Вам привет от Ивана Силантьевича из Еремеев посада! – улыбнулся есаул, снял папаху и без приглашения сел за стол. – Можно? – снова широко улыбнулся незнакомец.

– Да уж сиди, раз сел, – ворчливо ответила Марья Ивановна.

– А я только что из Еремеев посада. Нахожусь там у Ивана Силантьевича на постое. Хороший мужик! Может, чайку нальете? – не унимался неожиданный гость.

Хозяйка нехотя поднялась и пошла за чашкой, налила чай и поставила перед есаулом.

– Ходят тут всякие, – опять недовольно молвила женщина, но настороженности у нее поубавилась.

– Слышали, горе-то какое? – не смутился от её неприветливых слов незнакомец. – Настоятель еремеевского храма отец Савелий умер! Вчера похоронили всем миром. Какой батюшка добрый был! – с горечью в словах продолжил есаул.

– Как умер?! – всплеснула руками хозяйка. – Вот правда горе-то, горюшко!

На глазах у неё появились слезы. Взяв кончики платка, повязанного на голове, Марья Ивановна стала утирать ими влажные веки. Всё недоверие к неизвестному гостю у нее исчезло

– общее горе и заботы быстро сближают даже незнакомых людей. «Сработало!» – улыбнулся в душе есаул.

– Вот беда-то! – снова запричитала женщина. – Ой! – вспомнила она. – А отец-то Мифодий не успел к отцу Савелию!

«Вот это удача!» – чуть не поперхнулся чаем Кабанов и удивленно спросил:

– Какой отец Мифодий?

Есаул не опасался задать такой вопрос. Он сразу сообразил, что отец Мифодий мог попасть в Еремеев посад только вчера поздно вечером, а он с казаками уже в самую рань следующего дня из Еремеева посада убыл. Значит, встретиться в Еремеев посаде они вполне не могли – кто ж ночью по деревне ходит?!

– Как какой? – не сразу поняла хозяйка, но потом махнула рукой: – И вправду! Они же в Тахручье вроде заночевать хотели! А вы же рано небось выехали? Могли и не столкнуться.

Кабанов утвердительно кивнул головой:

– Да, ранёхонько отбыли. А что за отец Мифодий? Не знаю такого, – естественно спросил есаул.

– Да батюшка из Петрозаводска! Они отца Савелия по указке епископа нашего, отца Иоанна, хотели в город везти в больницу. Не успели. Вот горе-то! – опять всплакнула женщина.

– А что, отец Мифодий не один был? – отхлебнул чай с блюдца гость.

– Да, втроем, – разговорилась Марья Ивановна, совсем оттаявшая от доброжелательного незнакомца. – С ним ещё были Семён, работник протоиерея собора Александра Невского отца Пимена, и Прокопий, сторож Крестовоздвиженского собора. Все из Петрозаводска.

– Отец Мифодий – хороший батюшка?

– Да, хороший, – молвила хозяйка. – Они у нас вчера сь останавливались отобедать. Отец Мифодий службу провел. Всем очень понравилось.

– И давно он в епархии служит?

– Почитай год-то точно! А до этого он ведь на войне был! Солдатушек наших на войну с басурманами германскими благословлял, – ответила Марья Ивановна.

«Вот откуда этот батюшка оружием владеть научился!» – мелькнула мысль у хитрого гостя. Есаул знал на фронте таких боевых отцов церкви! Но они были редкостью. В основном военные священники мирно несли службу и, если встречались в лоб с противником, сопротивление ему не оказывали.

– А Семён и Прокопий тоже на фронте были? – поднял глаза на хозяйку Кабанов.

– Семён-то нет! Куда там! Бог миловал! – замахала руками Марья Ивановна и, понизив тон, хитро сказала: – А вообще-то, люди говорят, его отец Пимен от службы освободил. Походатайствовал где надо! А Прокопий – шельмец, – продолжила женщина. – Тот воевал! После ранения пришёл. Год али два уже сторожем-то работает.

– А почему шельмец? – искренне удивился гость.

– Бабник потому что! – сплонула Марья Ивановна и перекрестилась. – Спаси его душу грешную, Господь.

– В каких войсках Прокопий-то служил? – спокойно задал последний вопрос есаул, уже не изображая из себя участливого гостя.

– А вот этого-то я не знаю, мил человек, – ответила хозяйка.

Кабанов допил чай, встал, надел папаху. Он выяснил всё, что хотел. Того, что сообщила ему простодушная женщина, ему было вполне достаточно. С одной стороны, он знал теперь, что за люди убили его казаков. Опасны, судя по всему, только двое: сторож Прокопий и отец Мифодий. Один из них, видимо Прокопий, и есть подозреваемый есаулом бывший разведчик. Семен – простой мужик. «Это уже гораздо лучше! Двое – не трое!» – обрадовался есаул. С другой стороны, Кабанов не мог понять, зачем этим трём служителям церкви такой арсенал оружия? Не такие здесь опасные места! Хватило бы и револьверов. Зачем им говорить явную

неправду о цели своей поездки? Было над чем задуматься есаулу. «Ясно одно, что-то они такое ценное везли, если отправились такой военно-профессиональной, хорошо вооруженной группой», – рассудил он.

– До свидания, Марья Ивановна, – попрощался Кабанов и вышел из дому, оставив пытавшуюся что-то сказать и удивленную неожиданным уходом незнакомого гостя хозяйку.

– По коням! В Пухту! – приказал есаул кутившим около избы казакам и легко вскочил на своего гнедого.

Всадники рысью выехали из деревни. Казак Елисеев ненадолго отстал, на ходу, пригнувшись, оглядел полотно дороги. Затем, прищипав своего коня, догнал есаула.

– По дороге на Пухту они не проезжали, ваше благородь, – крикнул он.

Кабанов утвердительно кивнул в ответ. Восемь вёрст до Пухты пролетели быстро. Казака Елисеева есаул отправил искать следы полозьев саней и коней этой странной компании. Сам же, предварительно узнав у мальчишки, игравшего на дороге, подъехал к дому Семёна Андреевича Терехова, свояка Ивана Силантьевича. Хозяин был дома. Переданный ему привет от Ивана Силантьевича и уже опробованный с Марьей Ивановной разговор об умершем настоятеле еремеевской церкви отце Савелии быстро сделали своё дело: Семён Терехов охотно отвечал на вопросы.

– Вот ведь жалость-то какая! – «закинул удочку» есаул скорбным голосом. – Отец Мифодий с церковнослужителями Семёном и Прокопием из Петрозаводска спешили к бедному батюшке Савелию, да не успели! Подчас они сюда не заезжали? – в лоб, не утруждаясь мыслью, логично ли задавать такой вопрос, спросил Кабанов.

– Да нет, не видел, – удивился хозяин. – А какой Семён? Случаем не работник петрозаводского протоиерея отца Пимена? – в свою очередь поинтересовался он.

Теперь пришла очередь удивляться есаулу. «Тут что, все друг друга знают? Как мало здесь людей!» – подумал он и переспросил:

– А что, вы его знаете?

– А как же! – воскликнул Терехов. – У него же в Пухте родная сестра Клавдия живет в крайнем доме.

«Чёрт, – подумал Кабанов, – они же могут сейчас в деревне быть! Вот я баран! И казаки, не дай Бог, нарвутся на этого Прокопия!» Он прислушался: стрельба нигде не раздавалась. Есаул встал, собираясь прервать разговор и выбежать предупредить казаков о возможной опасности. Но тут дверь открылась, и появился бородатый казак Елисеев.

– Ваше благородь, на минутку, – позвал Елисеев командира.

Кабанов извинился перед хозяином и выскочил за вышедшим казаком.

– Ну что? Где остальные? – нервно спросил он.

– Всё хорошо, ваше благородь, – удивился возбужденности есаула Елисеев. – А казаки тут, рядом, на улице курят.

Кабанов повернулся в сторону улицы и увидел столпившихся в кучку, разговаривавших между собой казаков.

Он успокоился и посмотрел на Елисеева:

– Что у тебя?

– Были они в деревне, но уехали в сторону этого... как его... Погоста, – ответил бородатый казак. – Думаю, здесь переночевали и утром рано уехали. А были они в крайнем доме у деревни. Туда следы ведут.

Кабанов уже хотел сойти с крыльца и двинуться к этому крайнему дому, как его поразила одна мысль. Он остановился и достал из планшетки схему, нарисованную им со слов Ивана Силантьевича. «Да! Если это не так, то я совсем ничего не понимаю!» – подумал есаул, осмотрев схему, и вошел обратно в дом.

– Скажите, Семён Андреевич, – обратился он к хозяину. – А есть какая-нибудь... лесная, что ли, дорога из Погоста в Яшезеро? Не через Пухту, а ближе?

– Есть такая! – утвердительно сказал Терехов. – Зимняя дорога. Её монахи из Яшезерской пустыни прокладывают каждый год. Лес и камень на станцию возят. Она, если на Погост ехать, налево будет, версты две не доезжая до Погоста. Племянник-то Семёна Лазарева, что вы спрашивали, Григорий звать, в эту зиму монахам помогал лес возить.

– Здесь рядом монастырь есть? – заинтересованно поднял брови Кабанов.

– Давно уже! Мужской монастырь на озере Яшезеро. Так-то до него обычно через Тахручей или Еремеев посад добраться можно, – ответил хозяин.

Есаул, довольный, вышел на улицу. Какова конечная цель этих служителей церкви, он не знал. Об этом можно только догадываться. Но то, что они упорно лезут в сторону Яшезеро и Еремеев посада, он теперь не сомневался. И был уверен, что обнаружит их следы на зимней дороге, а может, и их самих. Вскоре Кабанов зашёл в дом на краю деревни. Хозяйка настороженно встретила вошедшего офицера.

– Где твои ночные гости? Где сын Григорий? В монастырь поехали?! – резко и громко, без приветствий спросил есаул.

Стоявшая у плиты Клавдия Ильинична от неожиданности села на стул. Глаза у неё округлились, губы затряслись, во взгляде читался страх.

– Не знаю, – еле выдавила она из себя. – А вы кто? – истерично выкрикнула женщина. – Зачем они вам?

Кабанов ухмыльнулся и молча толкнул дверь на улицу. Может, хозяйка и не знала, куда запропастились её гости и сын, но для есаула это было неважно. Клавдия Ильинична своим ответом и видом подтвердила то, о чём есаул догадался.

А Клавдия Ильинична прильнула к окну и увидела, как в сторону, куда рано утром прошли сани с её братом и сыном, ринулась группа вооружённых всадников во главе с этим страшным военным, бывшим только что у неё. Она охнула, опустилась на лавку и завывала диким голосом, прикусив нижнюю губу и раскачиваясь из стороны в сторону.

Небо заволокло тучами. Деревню накрыл мягкий снегопад.

10.

Вислоухая, крепкая лошадка, часто моргая от падавших на ресницы белых хлопьев, неторопливо тянула розвальни. В санях полулежал Семён. Рядом с ним держал вожжи его племянник Гриша, то и дело покрикивая на лошадь:

– Шевелись, окаянная! Поддай жару! Не кормили тебя сегодня, что ли?

Лазарев с теплотой в душе поглядывал на племянника. «Вот ведь как вырос сорванец! Мужик! Давно ли его на коленке качал? Есть теперь хозяин в доме у Клавдии», – с удовлетворением думал он.

– Не загони лошадь-то, – притворно рассердился он на Гришу.

– Да я так, дядя Семён, – улыбнулся подросток. – Для порядка! И чтоб скучно не было ни мне, ни лошади. Лошадь-то любит человеческую речь слушать. А то как! Я всегда с лошадкой разговариваю, когда еду. Она всё понимает. Молчит только.

Позади раздувала ноздри и бойко фыркала лошадь, запряжённая в зимнюю бричку. В бричке дремал иерей Мифодий. В бок священнику упирался Баженов, который периодически оглядывался назад и прислушивался к тишине, царящей в обступающем дорогу лесе. Впереди показались длинные сани-дровни. Прокопий насторожился и встряхнул вожжами, заставив лошадь бежать быстрее. Он поравнялся с розвальнями Семена, думая их перегнать, и замаршировал напарнику рукой, указывая прижаться к обочине и остановиться. Гриша, также увидевший идущие навстречу сани, крикнул:

– Не бойтесь, дядя Прокопий! Это обоз из Погоста! С товаром в Петрозаводск едут. Они, почитай, в это время всегда ездют.

Баженов осадил лошадь и снова пристроился за розвальнями Семена, но на всякий случай ощупал гранату «лимонку» в кармане и приготовил наган. Вскоре посланники протоиерея действительно стали разъезжаться с обозом в восемь груженных дровней. Сидевшие в них мужики, проезжая мимо, здоровались, кивая головой. Гриша также с почтением кивал и приветствовал каждого возчика по имени. Когда обоз остался позади, Гриша довольно крикнул Прокопию:

– Я же говорил! Наши мужики. Погостовские! Я когда лес с монахами возил, часто их видел. А у некоторых гостил иногда, чайку пил по пути на станцию.

Через некоторое время Гриша привстал в санях, обернулся и снова обратился к Баженову:

– Дядя Прокопий! За тем пригорком, – подросток указал рукой вперед, – поворот к пустыни Яшезерской будет.

Баженов кивнул в ответ и толкнул в бок священника:

– Отец Мифодий! Сейчас поворот будет на монастырь.

Иерей открыл глаза и сладко зевнул:

– Слава Богу, часть пути одолели! – И беспокойно добавил: – Была бы дорога не занесена.

Прокопий и сам волновался. Идущие впереди розвальни с ходу свернули влево от дороги, пробили небольшой слой снега и, не напрягаясь, прокатили несколько метров и остановились. С розвальней, потягивая застывшие мышцы, вылез Семён Лазарев и подошел к подъехавшей бричке.

– Ехать можно, – сказал он и, поглядев тревожно на небо, добавил: – Только бы снег поменьше валил. Вона как распогодилось!

Снег действительно повалил хлопьями, густо, быстро скрывая следы полозьев саней на основной дороге на Погост.

– Делать нечего, ехать всё равно надо, – молвил Баженов. – Назад дороги нет. Ты вот что, – обратился он к Семёну, – двигай-ка дальше пока без нас. Мы вас нагоним. А я немного тут замаскирую, чтоб, мало ли что, не видно было, куда мы свернули. И снежок нам в этом тоже поможет. Нет худа без добра, – усмехнулся бывший разведчик. – Дай-ка мне лопату!

Семён вернулся к розвальням, достал деревянную лопату и протянул подошедшему Прокопию, затем залез в сани и махнул рукой племяннику:

– Трогай, Гриша!

Баженов у развилки нарастил лопатой снег вровень с сугробом обочины дороги, по которой они приехали с Пухты. Около нового сугроба со стороны леса воткнул две только что срубленные им ёлочки. Сломанной рядом еловой лапой стал замечать следы. Сделав около пятнадцати шагов, остановился. Удовлетворенно посмотрел на свою работу и хотел пройти в глубину леса к бричке, в которой его ожидал Мифодий. Вдруг до слуха Баженова донесся первоначально слабый, но всё более усиливающийся топот копыт коней. Он спрятался за широкий ствол рядом растущей ели и взвёл курок нагана. Мимо него по дороге в сторону Погоста пронеслось восемь всадников. Прокопий сразу узнал надетую на них зимнюю кавалерийскую форму. Точно в такой же форме и были те военные, двух из которых он убил из своего нагана в нескольких верстах от Педасельги. Бывший разведчик вспотел: «Черт! Это же по нашу душу! Быстро же они нас нашли. Недооценил я казачков. Ну я и скотина! Разведчик хренов! Как не допёр?! Они же по нашим следам шли!» Но от другой мысли он похолодел: «Они же по следам на хату сестры Семёна выйдут! И вышли, скорей всего! Что будет?» Баженов побежал к бричке, прихрамывая на больную, занывшую от старой раны ногу, заскочил внутрь и, взяв вожжи, хлестнул ими лошадь:

– Пошла, родная! – И на ходу прокричал Мифодию: – Мимо всадники проскакали из Пухты. В такой же форме, что те казаки, которых мы уложили вчера вечером!

Их лошадка быстро догнала розвальни с Семёном и Гришей. Прокопий взял себя в руки, успокоился и поехал за первыми санями, тоже не торопясь, как и они. Он решил не говорить Семёну Лазареву и Грише о своём нехорошем подозрении в отношении, возможно, возникшей опасности семье Клавдии Ильиничны. «Зачем зря всех расстраивать?! Сейчас ничем не поможешь, если что плохое случилось», – думал он. Мифодий вопросительно посмотрел на товарища.

– Семёна не будем тревожить, – заговорил Баженов. – Ни к чему! Что зря его и мальчонку пугать? Другой дороги всё равно нет. И лошадь их быстрее не побежит. Я что думаю: если они по нашу душу и выследили нас, догонят нас не раньше, чем через двадцать – тридцать минут. Следы наши снегом почти замело. И обоз, на наше счастье, по нашему следу проехал, всё перепутал. Я хорошо хоть додумал и поворот в лес замаскировал. Поэтому, пока они развилку найдут, время у нас ещё будет. Это в худшем случае. А в лучшем случае и развилку не найдут, если не знают про эту лесную дорогу.

– А откуда им про эту дорогу-то знать? – уверенно сказал священник. – Ты так говоришь, будто они знают, куда мы едем. Может, они совсем по другим делам здесь шляются.

– Дай-то Бог, – вздохнул Прокопий. – Но подготовиться не мешало.

Он не стал ничего объяснять иерею. «Зачем я буду ему говорить, – думал Баженов, – что хороший разведчик не только по следам противника выслеживает, но и думает! Как противник бы поступил, это не просто угадать, думать надо! И местное население спрашивать очень полезно бывает. Эх! Что ему невоенному объяснять?! Священник и есть священник. Хоть и на войне был. А казаки – народ бывалый, их на мякине не проведёшь. И откуда они взялись на нашу голову?» Баженов передал вожжи иерею, достал пулемет, присоединив к нему диск с патронами, перезарядил маузер и наган. Мифодий с улыбкой наблюдал за приготовлениями серьёзного напарника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.